

А.Волоска

Дневник прожигателя жизни

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

А.Волоска

Дневник прожигателя жизни

«Автор»

2018

А.Волоска

Дневник прожигателя жизни / А.Волоска — «Автор», 2018

Действие романа повествует о взрослении столичного выпускника и переходе во взрослую жизнь: первое предательство, первая работа, первая любовь, первый секс. Метания души в поисках себя: философия жизни одним днем постоянно воюет с угрызениями совести. Содержит нецензурную брань.

© А.Волоска, 2018

© Автор, 2018

Содержание

I	6
II	27
III	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Посвящается закату эпохи жирных нулевых.
Все совпадения случайны.

I

Что вы подумаете, увидев поздно вечером молодого человека, бегущего по шоссе от толпы коротко постриженных отморожков? Скорее всего, первой вашей мыслью будет «Парень влип» или что-то вроде этого. Уверен, что девяносто девять процентов свидетелей этой ситуации даже не подумают вызвать милицию, а лишь глазами проводят эту стаю волков, бегущей за кроликом. И мимо проезжают машины, водителям которых нет до этого бедняги никакого дела. Он бежит с вытянутой к проезжей части рукой, но ни одна машина не останавливается.

«Парень влип», «Во, парень попал!», «Он не жилец» и тому подобные выражения – все, кто так думают, все ошибаются. Потому что не догнать им меня. Вы только посмотрите на них – не адаптированные к бегу легкие сдают, ноги скорость сбавляют с каждой секундой, темп сбивается. Куда им до меня? ...

Бац! – справа от меня вдребезги разлетелась бутылка из-под пива.

... Для них, наверное, и километр пробежать уже непосильным трудом будет. А теперь посмотрите на меня. Да я рожден чтобы бегать! ...

Бац! – еще одна бутылка, но теперь справа, своим грохотом дополнила ночные звуки. А было бы не очень приятно получить такой по голове.

... Подтянутый, атлетически сложенный, бежит как олимпиец, дышит ровно, нет даже намека на усталость – этой ночью шансов посадить первого попавшегося на инвалидное кресло у этих гопников нет. Ну, если такая неприязнь с кем-то и произойдет, то уж точно не со мной.

Оборачиваюсь на бегу и замечаю, что за мной уже никто и не гонится. Выдохлись парни. В другой жизни, может, и спасибо бы сказали, что я заставил немного встряхнуться их бесхребетным телам. И ведь именно что заставил. Если изначально у меня была перспектива получить пару-тройку раз по морде, и я отделался бы, возможно, лишь сломанным носом, то после того, как заставил их гнаться за мной, они, разъяренные, точно бы меня на тот свет отправили. И родители даже не смогли бы меня опознать после того, как они попрыгали бы на моей голове.

А я все еще бегу. Куда? – просто бегу. Мне нравится бегать. Имею ввиду, что нравится бегать физически. Я с девяти лет выходил на стадион каждое утро и лишь для удовольствия пробегал километр, в двенадцать поднял планку до трех километров, в тринадцать – до пяти, а с четырнадцати лет начал бегать по вечерам по десять километров и больше. Но это касается спорта, а вот беготня от самого себя, которая у меня продолжается уже больше года – я от нее устал. Люди постоянно бегут – за чем-то или от чего-то. За деньгами, славой, самоутверждением, от армии, ответственности, обязанностей, проблем... Когда-то тот человек, что раньше существовал в этом теле, жил спокойной размеренной жизнью, но в один день он умер, и в его теле родилась другая душа. Уже и не сосчитать, наверное, сколько личностей рождалось и умирало в этой телесной оболочке.

Мне это надоело. Хочу остановиться и принять все как есть. Нравиться – удерживать. Не нравится – бороться и изменить или жить с этим. Но не убегать.

Среди моих телефонных контактов есть подростки, у которых часы стоят пятьдесят тысяч долларов, которые просят отца купить новую машину только из-за того, что «сейчас в моде другие тачки», хотя нынешнюю купили лишь год назад. Я не раз занимался сексом с кукольными-ботексными-селиконовыми девушками, возраст которых и не отгадаешь – смело можно говорить «от восемнадцати до сорока», – в то время как их мужья зажигают с такими же куколками на яхтах в Средиземном море или Карибском бассейне. Мне много раз предлагали составить компанию на дорожку кокаина или закинуться таблетками. Меня угощали шампанским, бутылка которого стоит две моих зарплаты. Даже если сильно напрячь мозг и всю ночь считать, все равно не удастся с точностью до каждой вспомнить, сколько у меня было сексуальных

связей в течение последнего года. Я ни разу не стоял в очереди в какой-либо клуб или бар и никогда не умолял фейсконтроль впустить меня – я проходил мимо них в сопровождении знакомых людей или я уже заранее знал человека, от которого и зависит, кого пропустят, а кто будет продолжать переминаясь с ноги на ногу, желая присоединиться к вакханалии, царящей внутри. Я знаю поименно барменов почти во всех самых модных заведениях города. Знаменитые тусовщики, постоянно мелькающие на телеканалах и в желтой прессе здороваются со мной за руку...

Моя жизнь превратилась в сплошное веселье.

Стоп! Неправильно я начал. Это было уже и год назад, а начался водоворот событий, тянущих меня прямиком в пропасть, из которой уже не будет спасения, немногим раньше – в 2010 году.

Вам приходилось испытывать ощущение, когда все вокруг смолкает и замирает, вы видите лишь движение конкретного объекта, и каждая секунда для Вас растягивается десятикратно, и вам кажется, что время остановилось? Члены команды, болельщики, соперники – они не просто замерли и затихли – для меня они просто исчезли. В этот момент, когда кровь стынет в жилах, а в голове лишь мольба к Всевышнему с просьбой помочь, есть лишь этот баскетбольный мяч, который я бросил из-за трехочковой линии, и корзина, в которую – молюсь, что так и есть – этот мяч сейчас упадет. И сейчас, когда наша команда отстает на два очка, а судья просвистел окончание матча через секунду после моего броска, кажется, мяч летит вечно.

Игра проходит субботним утром на площадке школьного двора. Сейчас только начало мая и, не смотря, что сейчас еще одиннадцать часов, солнце уже начинает печь, что особенно чувствуется после двух таймов по двадцать минут. Я весь вспотел и мокрый насквозь стою в ожидании. Капли пота стекают на глаза, и движение мяча вижу уже расплывчато.

И до приближения мяча с корзиной в расстояние в миллиметр реальность возвращается. Унылые лица команды-соперников, восторженные крики болельщиков-учеников нашей школы, безумная радость на лицах нашей команды – все это говорит о том, что я все-таки забросил этот мяч, что я попал в цель. Вот она – победа! Команда нашей школы выиграла моим победным броском финал окружного чемпионата по баскетболу.

Да, это всего лишь окружной чемпионат, но мы, ученики выпускного класса, готовы разорваться от экстаза, будто чемпионат мира выиграли!

Чувствую ли я себя героем? Даже после того, как толпа в двадцать человек, которые именно таковым меня и считают, чуть не задавила меня от радости? – Нет.

Я, конечно, рад, что привел к победе свою команду, да еще и в моем последнем матче за школу, в которой отучился десять лет, но чувство обиды не дает моим эмоциям взорваться, и прыгать мне со всеми от счастья. Меня обнимают, хлопают по плечу, некоторые девчонки вешаются на шею и целуют, кто-то из соперников подходит и уважительно жмет руку со словами «хорошая была игра».

Сейчас в центре внимания я. Поздравления с победой и другие приятные слова не прекращали сыпаться в мой адрес даже после вручения кубка, ожидающего вместе с коллективным фото нашей команды места в стеклянном шкафу у школьного спортзала. Но мне все равно обидно.

Это сейчас я для всех суперзвезда. А не пройдет и получаса, как все вернется на свои места. Я опять стану простым семнадцатилетним парнем, у которого мало друзей, который получает признание лишь на баскетбольной площадке, у которого еще ни разу в жизни не было девушки (даже не целовался!!!), и которого все знают как скромного и малообщительного, но хорошего человека по имени Ники. Мне никто не будет через день в школе говорить «Отличная игра», девчонки не будут звать на свидание, учителя не скажут, что я гордость школы. Откуда я

это знаю? Потому что я уже два года как ключевой игрок школьной команды и не раз вытягивал игру на своих плечах, и знаю, что это ни на что за пределами площадки не влияет, это не делает меня популярным. Это вам не «Холм одного дерева», где один бросок изменил положение главного героя в школьном обществе.

Конечно же, «Ники» мой школьный псевдоним. А настоящим именем Борис меня называют, наверное, лишь родители и другие родственники, а многие моего имени даже не знают. Я еще с шестого класса сильно увлекся творчеством музыканта Ника Кейва, да настолько сильно, что постоянно ходил в футболке с его именем, и все школьные принадлежности: рюкзак, пенал, тетрадки и многое другое – были исписаны его инициалами. Как-то даже мама сильно отругала за то, что на подошвах новых белых кроссовок начеркал ручкой его имя. И везде в интернете, где только можно, регистрировался под именем Ники. Ну и друзья подхватили и начали меня так называть, а потом и сам в реальной жизни начал так представляться. В девятом классе я понял, что от этого мне уже не избавиться, когда пошли отмечать день рождения одноклассника в боулинг, и именинник, диктуя оператору имена игроков, назвал всех по именам, а меня именно как Ники.

И сейчас, когда все вокруг полны радости, никто не предвещал той беды, которая произойдет вечером. А если кто рассказал бы мне, что за жизнь будет у меня следующие год-полтора, рассмеялся бы ему в лицо. Очень долго смеялся бы.

С площадки народ еще не разошелся, и кто-то из друзей зовет вечером отпраздновать победу. Да уж, таким людям только дай повод выпить. Я отказался, а вот на предложение ребят с соседского двора поиграть вечером у них в баскетбол ответил согласием.

Дома, как пришел, первым делом получил порцию поздравлений от мамы. Откуда она узнала о победе остается только гадать. Также она воспользовалась случаем и выразила свое недовольство тем, что я не связал свою жизнь с профессиональным баскетболом, чем упустил огромный шанс добиться чего-то в этой жизни. Она считает, что я выпустил мимо рук шанс играть в NBA и свалить из России. У нее мнение, что у этой страны будущего нет, и ни в коем случае нельзя оставаться в ней, а у меня, по ее личным прикидкам, были все перспективы сделать успешную спортивную карьеру.

Только перед обедом взял мобильный телефон и обнаружил два пропущенных вызова от отца. Хоть после звонков он и прислал сообщение с поздравлениями, я все равно решил перезвонить ему. Услышал тоже, что и прочитал в сообщении, после чего он начал спрашивать об учебе:

– К выпускным экзаменам готов?

– Пап, до них почти месяц еще, – ответил я умоляющим тоном. – Причем, по тем предметам, что я выбрал, я и так почти все знаю. Будет еще время подготовиться.

– Ты смотри, это очень важно... – начал он.

Я в пол-уха слушал его наставления и объяснения, что сейчас для меня очень серьезный период, что от этого ЕГЭ зависит мое дальнейшее обучение и вообще моя судьба. К сожалению, мне приходится все это выслушивать уже раз в сотый – с самого начала одиннадцатого класса для папы это любимая тема, в то время как мама вообще ни разу об учебе и слова не проронила.

Мой папа очень любит говорить о важности образования, но он, как и все вообще мои знакомые, даже не догадывается, куда я буду поступать. Скорее всего, это у него чувство, которое даже не на злость похоже, а больше на обиду, что его сын, по его мнению, никак не может определиться.

Еще год назад, да и раньше тоже такие темы поднимались, он спросил меня, кем я хочу стать, на что получил ответ «Не знаю». «Куда собираешься поступать?», «Кем видишь себя в жизни?», «Чем хочешь заниматься в будущем» – на все эти и подобные вопросы он получал всегда один и тот же ответ: «Не знаю».

И из-за моей неопределенности было папе и обидно. Ведь он сам человек с устоявшимися взглядами и устоями, у которого все до мелочей распланировано на несколько шагов вперед, а может и вообще до конца жизни. Закончив школу, приехал в Москву без гроша в кармане поступать в МГИМО, а сейчас работает в МИДе, занимает неплохую должность и не собирается на этом останавливаться. И у такого отца как мой, педанта во всем, растет такой сын, так еще и единственный ребенок в семье, который ничего не может сказать ни о своем будущем, ни о своих стремлениях. Пусть даже сын и учится хорошо, и спортом занимается, и просит работу на лето ему найти какую-нибудь, но все равно ему обидно, что его семнадцатилетний сын, еще, как он сам считает, в таком возрасте не готов к взрослой самостоятельной жизни.

Вообще, очень многое может об отце сказать то, что он часто высказывает одобрение в сторону английским манерам. Стоит только в фильме увидеть, как молодой парень обращается к папе «Сэр», так он начинает разглагольствовать о том, что, мол, вот оно – правильное воспитание. Но, не смотря на эти его убеждения, не могу сказать, что он очень уж строгий. Класа так с шестого он ни разу не смотрел мой дневник, ни разу не посещал родительские собрания (мама тоже на них не ходила – кроме собрания, на котором обсуждался последний звонок и выпускной), а если его по какой-либо причине вызывали в школу под предлогом «Ваш сын опять опоздал на первый урок» или «Ваш сын подрался с одноклассником», отвечал «Он Ваш ученик, Вы с ним и разбирайтесь». Папа лишь иногда спрашивает, все ли нормально с учебой, но уже давно не интересовался моими оценками. Папа считает, что школьная программа в нашей стране это абсурд. Ученик, целеустремленно идущий по жизни, сам должен выбирать, нужно ему изучать биологию и физику или же химию и геометрию. Когда он высказывал мне свое мнение по этому поводу, то было только одно пожелание: «Главное, учись так в школе, чтобы потом смог поступить в институт. И не забывай, что ты русский человек, значит, и родной язык должен знать – говорить и писать должен ты правильно». И еще он считает, что не знать английский язык в наше время просто неприлично. Сам он, помимо английского, знает в совершенстве еще и французский, а сейчас изучает итальянский, а в перспективе хочет выучить арабский. У меня хобби играть в баскетбол, а у него – изучать языки, и больше он ничем, кажется, не занимается. Дома он свободное время любит проводить за чтением. Причем, если это английская, американская или французская литература, то читает он ее только на языке оригинала. Также и с фильмами – предпочитает смотреть на языке оригинала.

Иногда мне кажется, что папа мой должен был родиться в Англии лет так сто пятьдесят назад. Представляю его английским лордом, который коротает вечера в своем поместье у камина в бархатном халате, с газетой в руках и трубкой у рта. Хотя нет, без трубки – курить он бросил в двадцать шесть лет, и до сих пор считает своей главной ошибкой поступок, когда в пятнадцать лет впервые закурил сигарету.

Ну а что можно сказать про маю маму? Она не работает с того времени, как папина зарплата смогла это позволить. Не пропускает ни одного светского мероприятия, приглашения на которые приносит отец, даже если он сам не может на них идти. А если через мужа не может достать приглашение на интересное ей мероприятие, то целый день будет обзванивать подруг, выискивая возможность попасть не него. Если она не занимается дома уборкой или готовкой, если она не в СПА, салоне красоты или фитнес-клубе, то будничные дни, пока муж не вернулся с работы, проводит в магазинах или у такой же как она неработающей соседки с первого этажа, болтая и распивая вино.

В моем воспитании мама не принимала раньше и не принимает сейчас никакого участия. По поводу моего будущего у нее лишь одно желание – чтобы я при первой возможности собрал вещи и уехал жить и работать за границу. Мечта у нее тоже есть – чтобы ее муж получил работу за границей. «С таким правительством у нашей страны нет будущего!» – любит говорить она каждый раз, когда только это бывает к месту.

Готовиться к ЕГЭ и заниматься вообще чем-нибудь мне абсолютно не хотелось. Так что время до вечерней игры просидел в социальных сетях и других интернет-сайтах, созданных как раз для убивания времени, под альбом «Nocturama» Ника Кейва.

Ближе к шести часам вечера взял баскетбольный мяч и, одетый в шорты и футболку, вышел из дома. Некоторые игроки-любители приходят на площадку в форме какой-нибудь команды NBA: Бостон Селтикс, Даллас Маверикс, Нью-Йорк Никс, Лос-Анджелес Лейкерс, Сан-Антонио Спёрс или какой-нибудь другой. Но лично я считаю по этому поводу, что надевать форму знаменитого клуба так еще и с фамилией именитого игрока имеют право лишь истинные мастера, а как хорошо я бы не играл, таковым себя не считаю. Так что, помимо школьных соревнований, где я отстаиваю честь школы в форме школьной баскетбольной команды, всегда выхожу на игру в непримечательном летнем спортивном костюме серого цвета.

Вот подошел бы ко мне кто-нибудь, когда я выходил из подъезда, и сказал, чем закончится эта игра для меня. Мне стоило бы сейчас остаться дома, разлечься на диване и смотреть «Доктора Хауса», попивая домашний лимонад собственного приготовления.

На площадке было всего четыре человека, которые играли в одно кольцо два на два, так что, пока остальной народ не подтянется, буду на другом кольце отрабатывать броски – здесь кольца чуть ниже стандартных, к которым я привык, лучше к ним пристреляться перед игрой. Некоторые игроки приходят сюда как раз из-за высоты колец – этой разницы в высоте им хватает, чтобы «закладывать» в кольцо. Но я, имея рост лишь метр семьдесят пять, и на этой площадке на такое не способен.

Спустя десять минут подошел один товарищ, и мы играли три на три, а уже через полчаса бегали по всему полю толпой в двенадцать человек в две команды. Когда подошли еще двое, разбились на три команды. Не было еще и семи вечера, как в каждой команде было по пять человек, и еще друзей игроков собралось человек двадцать, которые просто наблюдали, болтали и пили пиво.

А когда подъехал Антон на Хонде Цивик, которая досталась ему от отца, когда тот купил себе новую машину, игра пошла под музыку – Гуф и Баста отлично поднимали игровой настрой, хоть такой жанр музыки мне не совсем по душе.

Я знал почти всех игроков и около половины зрителей, одноклассники тоже были. Среди игроков в команде соперников был мальчик по имени Вася. На год старше меня, с меня ростом, короткостриженный, пара шрамов на лице, – под губой и на щеке, – поученных в драках. Футболка, спортивные штаны и баскетбольные кроссовки – я не видел его ни в какой другой одежде, разве что он куртку надевал осенью и зимой. Вася считал себя очень крутым парнем. Не раз приходилось видеть, как Вася сам нарываяется на конфликты. Говорят, еще не было ни одной драки с его участием, где ни он был виновником. Да, драться он любил, но, не смотря на то, что сам он считал обратное, у него это не так хорошо выходило. Год занимался боксом, пару лет тхэквондо, полгода тайским боксом – где-то осесть ему не хватало дисциплины. Пару раз в месяц ходит в подвальную качалку, но сам говорит, что посещает ее чуть ли не каждый день. Наверное, с ним общались только из-за того, что он со многими вырос в одном дворе. Мало кто из общих знакомых не считал его придурком и деревенщиной. И нет вообще ни одного человека, кто еще с издевкой не отмечал, что с 2003 года он сменил несколько телефонов, но рингтон у него бессменный – мелодия из фильма «Бумер». Интересно еще знать, есть ли хоть один человек, кто сказал бы ему, что постоянно использовать в разговоре «братель», «кореш», «базар», «чикса», «бабло», «братва», «стрела» и другие знакомые ему слова из блатного жаргона актуально было лет десять назад.

Одни играют в баскетбол, другие тоже приятно проводят время, попивая пиво и куря сигареты (и не только сигареты), у всех позитивный настрой – для меня этот вечер был обы-

денным, я люблю проводить время именно таким образом. Разойдутся все часов в одиннадцать вечера, а завтра соберутся вновь – не на этой, так на другой площадке.

Непогода нам никогда страшна не была – зимой и в дождь без проблем играли в школьном спортзале.

Конфликты и даже драки, конечно, бывают у нас, как и у всех подростков, но чтобы вот так среди игроков да и во время игры это произошло – такое впервые.

Началось все с того, что Дима, среднего роста худощавый парень, находясь за спиной Васи, не давая ему пройти к кольцу, получил от Васи из-за спины локтем в челюсть – Васе надоело крутиться рядом с ним. Дима тут же свалился на асфальт и, поднося руку к челюсти, крикнул «Фол!», а когда встал, сказал еще, не подумав, «Ты чего делаешь, мудака!». Вася, радостный что, сразу как сшиб соперника, забросил мяч в корзину, улыбнулся и послал его на три буквы. Не знаю, о чем вообще думал Дима, ответив «Сам иди, гондон!». Само собой, Васе это не очень понравилось, и он попер на своего якобы обидчика. Пару-тройку раз они обменялись ругательствами и оскорблениями, а все вокруг при этом, молча наблюдали за этой сценой, ожидая, что они сейчас прекратят, и игра продолжится. Причем, Вася уже готов был прекратить словами «Заткни пасть, гнида» и даже сделал пару шагов к своей команде, но у Димы вырвалось «Дебил!». Зря Дима это сделал – он через секунду опять оказался на асфальте, получив от Васи с левой опять же в челюсть.

Дима, конечно, тот еще засранец, да и за языком не следит, но он был моим одноклассником, и, само собой, мне было его жалко. Особенно в тот момент, когда Вася пнул его ногой в живот, сказав при этом «Чтоб я от тебя, сука, больше и писка не слышал». Дима встал и собрался уже толи сказать Васе в ответ что-то, толи даже с кулаками полезть на него, но был отгорожен одним из ребят рукой, а я был рядом с Васей на случай, если тот он не сможет удержать себя в руках. А Дима и правда за языком не следит, несмотря на то, что слово «драться» для него было равным выражению «получить по морде». Однажды его парнишка один четырнадцатилетний не хило побил в школе, как раз за острый язык. И слова «Мудака тупорылый» Диме сейчас все-таки не нужно было говорить. Кто-то рядом сказал «Да молчи ты!»

Вася набросился на Диму как кот на голубя. Но он успел только двинуть ему ногой в грудь, как я схватил его за руку.

– Хорош! – я крепко сжал его левую руку чуть выше локтя.

– Не смей меня трогать.

Видимо, он сильно завелся и саданул что было сил с правой мне в грудь. Секунды на три я потерял дыхание. Вася мгновение смотрел на меня удивленно, видимо сам не ожидал от себя такого, но потом еще и толкнул меня. Да так, что я еще устоял на ногах.

Уже двое ребят ограждали жутко испуганного Диму от Васи, но защищать надо было уже не его – всей массой я толкнул Васю в ответ, и он не устоял на своих двоих и повалился.

Такого исхода событий, наверное, не ожидал никто. Все, включая меня, замерли в тишине и ждали, что будет дальше. Только из автомобиля Антона играло:

Искусно предан теми, кому верил,

Но по-прежнему предан тем, кто верит мне

Нельзя сказать, что я прям опытный боец, да и вообще всегда стараюсь словами решить любой конфликт, но драться приходилось ни раз, да и с любым сверстником могу посоревноваться в отжимании и подтягивании на брусьях.

И сейчас, не имея даже малейшего желания вступить в драку с Васей, стоял от него лежащего буквально в двух метров с опущенными руками, пытаясь дать этим понять, что не хочу продолжения.

Если говорить честно, я был напуган.

Вася, кратко выражаясь, гопник и пустоголовый дебил, и ожидать от него можно было чего угодно. И вот таких, когда они в ярости, я боюсь больше всего. Кто знает, может он нож достанет, или еще что-нибудь сотворит такое, что потом на больничной койке валяться полгода буду. Не хочу я с ним драться, хоть и понимаю, что шансы у нас практически равны, причем шансов на победу, по-моему, у меня больше.

Вася быстро встал и злобно, сжимая кулаки до покраснения, смотрел на меня.

Ко мне подошло двое друзей, один из которых положил руку мне на плечо и сказал:

– Все, парни, хорош. Успокоились и давайте дальше играть.

– Вася, успокойся! – крикнул кто-то из зрителей. – Ты по делу от Ники получил, а с Димона уже хватит на сегодня.

Кто-то еще что-то высказал по поводу того, что играть собрались, а не мордобой устраивать, но все остальные молчали – знали, что продолжению быть, и это не подлежит сомнению. Вася просто так это не оставит.

У Васи все пролетало мимо ушей. Сейчас он, словно бык, перед которым машут красной тряпкой, готов разнести меня на части по всему району. Для него это большой удар, что его свалили с ног у всех на глазах, а в ответ он ничего не сделал. Но он медлил. Видимо, раздумывал, стоит ли начинать. Полезть с кулаками на слабого парня или группой таких же отморожков, как и он сам, на нескольких ребят – это он и думать не станет – сразу полезет в драку, а вот разделаться со мной, по силе себе равным парнем, на это духу не хватало.

Попытавшись смягчить ситуацию, я сделал шаг вперед и в знак примирения протянул Васе руку, сказав «Не будем устраивать, ок? Забыли?».

– Убери от меня свои лапы, мудила, – прорычал он, отмахнувшись от моей руки и уходя в сторону.

Наверное, на этом и надо было закончить, но, уже отвернувшись от него на полкорпуса, у меня вырвалось:

– Это у тебя лапы, животное тупоголовое, – сказал я, почему-то еще и с усмешкой.

Тут Вася, не выдержав, резко обернулся и ринулся на меня. Сделал два быстрых больших шага в мою сторону, но Серый, крикнув «Успокойся!», схватил его обеими руками в районе груди. Из такой хватки Васе вырваться будет не так просто – Серега парень ростом метр девяносто и нехилого телосложения, весит он порядка ста килограмм.

– Думаешь это конец?! – начал орать Вася на всю округу. – Я это так не оставляю! Я тебя, гниду, отмудахаю так, что родители не узнают! Я тебя порву нах! Отпусти меня! – последнее было уже адресовано Сереге.

Вася изо всех сил пытался вырваться, и к Серому на подмогу подключился еще один парень со словами «Да успокойся же ты! Сколько можно?!». Поняв, что освободиться у него не получится, он ткнул рукой пальцем в мою сторону и продолжил орать в истерике:

– Ты не жилец! Я тебя найду! Голову, бля, оторву! Говно ты!

Жалкое зрелище, должен сказать. Из-за площадки женский голос начал орать что-то вроде «Вася, сам ты мудака! Успокойся наконец!». Но эффекта ноль.

– Давай, иди! – никак не мог он уговориться. – Все равно не скроешься! Сыкло!

Ну, уж нет! Я не собирался это так оставлять. Чтоб какой-то чмошник выставил меня в свете, будто мне слабо с ним один на один? Повернулся лицом к нему и пошел в его направлении, попросив отпустить этого говнюка.

– Оно тебе надо? Забей, ща успокоится. – Сказал Серый.

– Да. Ты лучше пойдешь присядь, а мы его до дома лучше проводим и будем играть дальше.

– Нет, – возразил я, – отпустите его.

– Остынь!

– Отпусти его! – крикнул я. – Если этот мудака думает, что может меня говном поливать при всех, да еще я типа боюсь его, он ошибается! Отпусти, я ему мозги вправлю! – и обратил внимание, что сам ору во всю глотку.

Человек пять из окружающих начали снимать все происходящее на свои телефоны, предвкушая весело зрелище, а завтра все в школе будут говорить «Смотри, как Ники Васю отметелил» или, если мне не повезет «Зацени, как Вася его отмудохал».

У меня есть только один вариант ответа на вопрос, почему Серый и еще один парень отпустили этого морального урода. Как раз из-за того, что Вася – моральный урод! И он всех достал. Они отпустили Васю в надежде, что этому козлу сейчас достанется.

Кто-то из-за спины сказал «Ники, да забей ты. Нахуя оно тебе надо-то с ним связываться?».

Но если я и собираюсь «забить», то не на него, а его – не буду лишать окружающих удовольствия посмотреть, как этот дегенерат, который всех уже достал, получит то, что давно уже должен был получить.

Вася, получив свободу, сразу пошел на меня, пожимая кулаки.

– Ну че, бля? Урою ща! – проговорил он, подойдя ко мне уже ближе, чем на метр.

По движению его тела понял, что будет бить правой рукой, чего и ждал, но получил мощный удар ногой в район бедра. Жуткая боль сковала меня на пару секунд. Тут же, с лету, Вася ударил рукой в голову, но я смог лишь прикрыться руками, слегка склонившись, после чего он намеривался двинуть мне с левой ноги по голове, но удар пришелся в плечо, и, подпрыгнув, нанес мне ногой прямой удар в корпус. Хорошо, что я успел на несколько сантиметров отскочить назад, так что последний удар пришелся мне по животу не так сильно. После этого Вася на ходу сделал хук каждой рукой, но я молниеносно уклонился от них и отскочил на пару шагов в сторону, и теперь мы стояли друг напротив друга.

Кто-то из плотно окружающей нас толпы крикнул: «Давай, Вася, мочи его!». Не удивительно – болеть за сильную сторону всегда интересней. В тоже время женский голос просил: «Мальчики, остановите же это! Разнимите их». Но никто и не желал слушать ее. Хлеба и зрелищ – вот что нужно толпе.

Вася, не медля, набросился на меня с кулаками. Увернувшись от первого же его удара, двинул ему в висок. Он, схватив меня за футболку, ответил мне также в голову.

Такие времена, такие дела брат

Говорить как есть нужна смелость, а не талант

Мы обменивались ударами, иногда у каждого получалось изворачиваться, при этом Вася дважды пытался коленом попасть мне между ног, но неудачно. После моего хорошего удара ему в глаз, он все же не отпустил мою футболку, но на секунду застыл. Воспользовавшись этим, придвинулся к противнику вплотную и стукнул его лбом по носу. Он схватился за лицо, и получил прямой ногой по животу. На ногах устоял, но откинулся на пару шагов назад. Я бросился на него, а он на меня.

«Мочи!»

«Давай!»

«Дави его!»

Не ясно, кому были адресованы эти крики, но кроме них в ушах ничего не было.

Мы сцепились и начали стоя бороться. Сделал ему захват шеи. Вася произвел несколько ударов коленом по моему корпусу, но они казались какими-то слабыми. Под Васиным весом мы повалились на землю. Вася оказался сверху. Я прислонил ладонь к его лицу так, что нижняя ее часть упиралась ему в нос, отстраняя ее от себя, при этом я получил несколько ударов по лицу. Вася попытался отстранить мою руку, и в этот момент, что было сил, я выбросил кулак

вперед в направлении его челюсти. Удар оказался очень сильным, и Вася привстал, после чего второй раз получил ногой в живот. Я вскочил и со всех сил ударил его левой рукой по голове. Почувствовав соленый вкус во рту, я сплюнул кровью и срубил его с ног ударом по голове с правой руки.

Добивать лежачею это не моя причуда. Я уже готов остановить бой. Но Васе, наверное, оказалось мало, и он, поднявшись, налетел на меня, тут же получив еще два удара по голове – сначала от моего кулака, потом от колена.

Ему этого оказалось достаточно.

С трудом поднявшись, он побрел в сторону. Через пять шагов, вытерев лицо футболкой, на которой сразу же оказалось огромное красное пятно, он обернулся ко мне:

– Тебе пиздец! – и пошел в сторону домов.

– Иди уже. – Махнул я ему в след рукой и по Васиному примеру провел футболкой по лицу.

Крови на лице было не так много, а вот отплеваться от нее никак не могу – с внутренней стороны щеку разодрал, да и нижнюю губу Вася мне разбил. Без зеркала больше повреждений оценить не могу.

Первым ко мне подошел Дима.

– Ты как? Нормально?

– Жить буду.

По-хорошему, я должен был послать его куда подальше. Всем моим ссадинам и слегка побитому лицу я должен быть благодарен, в том числе, и Диме. Если бы только он мог в нужный момент рот свой заткнуть и не открывать больше, то все было бы иначе.

Еще несколько человек подошли спросить о моем самочувствии, кто-то одобрил – «Правильно. Давно надо ему по башке надавать. Может, мозги на место встанут», «Классно ты его! Что заслужил, то и получил этот говнюк».

После пяти минут обсуждений прошедшей драки игра возобновилась, но не для меня, я расположился на газоне рядом.

Солнце уже опустилось, и стало по-весеннему прохладно. Несколько игроков ушли, «зрители» тоже начали расходиться. Антон тоже уехал. Через час тут уж точно никого не останется.

Мне семнадцать лет. Чуть более, чем месяц исполнится восемнадцать. Среди моих друзей, одноклассников и вообще ровесников есть наркоманы, алкоголики, панки, тусовщики, не заботящиеся ни о чем, компьютерные маньяки, которым кроме как играть в он-лайн игры ничего в жизни не надо, гламурные девчонки, у которых только одна цель в жизни – найти богатого жениха (причем, без разницы, какого возраста и чего он из себя представляет, а пока не нашли, готовы переспать с кем угодно за дорогие подарки), больные СПИДом, и еще многие другие личности, которые вообще не задумываются о будущем и которым даже все равно, если это будущее для них не настанет.

Я не курю. Алкоголь пью редко. Наркотики не употребляю ни в каком виде, и никогда не пробовал. Есть девушка, от которой без ума. «Мы можем быть только друзьями», – услышал я от нее, когда полгода назад признался ей в чувствах. Но ухаживать за ней не перестал – цветы, стихи, проводы до дома, походы в кино, – все как полагается. Оканчиваю школу без единой тройки в дипломе. Собираюсь поступать в МГИМО. Я не знаю, кем хочу вырасти, не вижу, кто я в будущем, но уверен, что будущее у меня могло быть очень хорошим. Жаль, что «могло быть», потому что тот парень, у которого могло быть будущее, который мог быть примерным студентом и иметь все прелести студенческой жизни, мог с помощью папы получить низкооплачиваемую, но перспективную работу и сделать отличную карьеру, мог быть хорошим другом, мог быть любимым человеком у девушки, которую он давно добивался и которая, может,

поймет, что этот парень, который заботиться и пылинки сдувает, ничего другого не желая, именно тот, кто ей нужен – сегодня он умрет.

Рядом с площадкой припарковался черный полностью тонированный Мерседес. Я, наверное, еще под стол пешком ходил, когда он сошел с конвейера.

Из машины вышли пятеро парней лет на восемь-десять старше. Одеты они были для такой погоды теплее нужного – все в кожаных куртках, будто в одном магазине покупали. Да и парикмахер, видимо, один на всех – короткая стрижка–ежик. Трое совсем выпендрились, решив сейчас еще и солнечные очки надеть.

Одного из этих «братков» я узнал. Но когда вспомнил, кто это, пятерня была уже на площадке. Это был брат Васи по имени Валера, а «кореша» звали его Валеро. Понятно, откуда у Васи такие повадки и словарный запас – подражание старшему брату налицо.

У меня была возможность «сделать ноги», но, убежав, я бы не решил проблему. Если Вася хочет показать мне (да и другим тоже), что с ним связываться не стоит, то мое бегство ничего не изменило было. Ему без проблем узнать где я живу, не говоря уже о том, что Валеро с друзьями может и после уроков у школы меня подкараулить.

Ходить в страхе, постоянно ожидая, что из-за угла на меня может напасть кучка отморозков, я не собираюсь.

А зря. Наверное, именно так и стоило бы сделать. Убежать сейчас, объяснить все родителям, попросить маму месяц отвозить меня в школу и забирать из нее, сдать ЕГЭ, а потом уговорить папу снимать мне квартиру на другом конце города – папа, уверен, не откажет. Прервать общение со всеми старыми друзьями и завести новых.

Я так не сделал.

– Это ты Ники? – Борзо спросил Валеро, подойдя именно ко мне.

– Да.

Только я ответил, как спустя долю секунды его кулак ударил мою голову.

А ведь я хотел объяснить ему, что лишь защищался, что Вася сам виноват, что с разбитым носом ушел отсюда, что все было «по понятиям» и «по чесноку».

Страшной силы удар должен был свалить меня с ног, но Валеро схватил меня за футболку в районе груди, не позволив этим мне упасть. Двинул для эффекта еще и под дых и потащил в сторону. Этим ударом Валеро выбил из меня силы разом, я мог лишь еле перебирать ногами, чтобы не волочиться по земле, как мешок с мусором. Остальные члены бригады подошли к нему.

Подбежали двое ребят, один из которых был Сергей. Серый успел лишь сказать «Парни, он...», как самым крупным мордоворотом был срублен на землю, а другой, что поменьше, прорычал «Только шелохнитесь!». Предупреждение было ни к чему – никто и не думал связываться со старшими «крутыми» парнями. Все замерли в тишине.

Поняв, что меня хотят затолкать в машину, я постарался вырваться, но, получив два мощных удара по голове, потерял сознание.

Прибой.

Лежу на пляже в чем мать родила. Вечер. Солнце уже село. Вода с каждой волной поступает, повышая свой уровень. Все лежаки пустые, кругом ни души. Я лежу. Хочу встать и пойти, но не могу даже шевельнуться.

Очередная волна накрыла меня уже по пояс. В панике что есть сил кричу, зову о помощи, но вдруг понимаю, что я, словно рыба, лишь открываю рот, а звуки оттуда не исходят.

Я просто в ужасе. Над водой осталась лишь голова. Напрягаю каждый мускул, хочу вскопчить, но тело меня не слушается. Вода накрывает меня с головой, отходит, и я отплевываюсь, и тут же еще одна волна. Понимаю, что мне не хватает воздуха. Я задыхаюсь.

Вскакиваю.

Голова шумит так, будто она превратилась в аэродром, и тысяча самолетов одновременно садиться на посадку, а другая тысяча взлетает.

Открываю глаза. Толком разобрать ничего не могу. Все будто в тумане. Передо мной человек. Спустя десять секунд могу разобрать, что это стоит Вася. Стоит и ухмыляется. Пошевелиться не могу. Не могу даже понять, это силы бросили меня, или я связан. «Где я?», – мысленно спрашиваю я сам себя.

Не успел я ответить самому себе «Да хуй его знает», как Вася, все с той же усмешкой говорит мне «Ну чего? Оклемался?». Последнее, что я видел, перед тем как вырубиться от удара затылком о что-то очень твердое, это подошва Васиного ботинка.

Я сижу рядом с Надей у нее на кухне. Мы пьем чай. Как же сильно я ее люблю! Она берет меня за руку, отчего я чувствую себя самым счастливым человеком на земле. Ее золотистые волосы ниспадают на плечи. Она мило улыбается. А я ловлю себя на мысли, что смотрю на вырез в ее белой кофточке. Поднимаю взгляд на ее лицо.

В начале одиннадцатого класса мы начали тесно общаться. Особого повода не было, лишь сходили в кино на фильм, который оба хотели посмотреть. Она не отказывала мне погулять вечером, сходить в кафе, покататься на коньках зимой, приходила ко мне в гости, я заходил к ней «на чай». И вот однажды, у нее дома, мы сидели на диване и болтали ни о чем. Моя рука лежала на ее руке – это было самым интимным в наших чистых отношениях. Она мне очень нравилась. И главная причина моей тяги к ней – легкость в общении. Мне еще ни с кем из девушек не было так легко и комфортно в общении. Она очень красивая. Пришла к нам в девятом классе и сразу стала пользоваться популярностью у старшеклассников, и я понимал, что я уж точно не ее поля ягода. Но, сидя с ней на диване, сжимая ее руку, я дождался паузы в разговоре и сказал: «Я люблю тебя». Надю это слегка смутило. Даже меньше, чем я ожидал. Она опустила взгляд и ответила: «Я знала, что ты когда-нибудь скажешь это. Но давай не будем больше об этом, хорошо? Мы с тобой хорошие друзья, я даже могу назвать тебя лучшим своим другом, и будет лучше нам обоим, если так все и останется».

Сейчас, сидя напротив Нади у нее на кухне, слушаю от нее, как ей надоел ее одноклассник, который прохода не дает нигде. Уже не знает, куда от него деваться. Продолжает рассказывать, и с каждым словом я все больше убеждаюсь, что этот надоедливый одноклассник, это и есть я.

– Но как хорошо, что у меня есть ты, – говорит она. Встает, обходит стол в мою сторону и обнимает меня. Крепко-крепко сжимает.

Открываю один глаз, и несколько ребят, курящих в метре от меня, отвлеклась от своих разговоров. Один из них толкнул слегка Васю, обращая его внимание на мое пробуждение.

– Ну что, мразь, очнулась? – Вася присел надо мной. – Слушай меня сюда – смотри на меня, и запомни мое лицо. Я тот, кого тебе стоит бояться.

Он взял мою ладонь и просунул свои пальцы через мои. Максимально выгнул мой средний палец и резко дернул так, что тот хрустнул. Я лишь чувствовал, что что-то не так, но никакой боли почему-то не было.

– Ты понял меня, дерьмо? Пока это только палец.

У меня было сил лишь кивнуть, но он сломал мне и указательный палец.

Я опять отключился.

Пивной бар. Приглушенный свет. Я такие пивнушки видел только в кино. Сидим с Сергеем за деревянным столом.

– Они подняли тебя и положили в багажник. – Начал рассказывать он почему-то моим голосом, держа в руке кружку с пивом. – Швырнули туда и уехали. Я пробовал заступиться, но толку мало от этого вышло. Нас, ребят, было человек пятнадцать. Надо было налететь на них и отмудохать. Похоже, то, что они меня, самого здорового из всех, свалили, произвело на наших впечатление, и они тупо зассали ввязываться в драку. Они ведь старше нас. И крепкие. Но, не смотря на это, мы бы смогли их замесить, хоть и досталось бы нам тоже хорошо. Без проблем вытащили бы тебя, отбили, но, как уже сказал, наши оказались сыкунами.

Я хотел было поблагодарить его, что хоть он вмешался, но не мог рта открыть, словно он зашит был. А Серый одним глотком опустошил целую кружку. Ниоткуда на столе появилась еще кружка, и ее он также высушил. Одним глотком «убивал» кружку за кружкой, а я уже беситься начал, что не могу сказать ему «Спасибо». На глазах почему-то выступили слезы.

Опять очнулся оттого, что на лицо полили водой. На губах почувствовал солоноватый вкус – кровь, наверное, у меня по всему лицу.

– Вставай! – услышал я из ниоткуда. В глазах туман.

Собрал силы. Встал с трудом на обе ноги, но вытянуться не успел – получил толи рукой толи ногой удар в живот. Но, на удивление, устоял, не упал. Взгляд прояснился. Передо мной Вася. Но я все еще не могу понять, где же я. Даже не могу разобрать где-то на улице я или в каком-то помещении.

Вася схватил меня за шею и ударил в глаз. Сразу же ударил еще раз. Я начал задыхаться и вцепился в его руку, которая сжимала мне шею. После третьего удара я, обессиленный, упал на колени и теперь стоял на четвереньках перед ним. Сзади меня кто-то поднял. На Васю я смотрел сейчас только одним глазом – второй ничего не видел. С ужасом бросил взгляд на нечто у Васи в руках. Так и не понял, что это, но это приложилось по моей голове, и я рухнул на пол. Остатками сознания чувствовал, как насколько ног бьет меня. По голове, по почкам, по ребрам, по груди. Даже не могу сказать точно в какую часть тела, но нечто (скорее всего тот же инструмент, которым Вася двинул меня по голове) двинуло меня, после чего адская боль пронзила всего меня с головы до пят, и я в очередной раз отключился.

Мой друг Саша умер год назад в автокатастрофе. Это был самый позитивный человек, которого я только знал. Веселый и отзывчивый. Когда он появлялся среди людей, время шло в бешеном ритме. Где был он, там было движение. Девчонки сходили по нему с ума. Причем не только шестнадцатилетние и малолетки – в его послужном списке значилось немало девушек, которые были намного старше него. И никто не стыдился на следующий день, да и потом при возникновении каких-либо разговоров, признаться, что накануне они переспали с Сашей, не было видно ни капли смущения на их лицах. На моей памяти не было ни одной шумовой тусовки, в которой не был бы он замешан. Его любили буквально все! И не только за позитивный настрой – он ни разу в жизни не отказал в помощи. Я мог бы позвонить ему, сказать, что застрял на Аляске, будучи уверенным на все сто пятьдесят процентов, что он меня выручит. И не ошибется тот, кто скажет, что ему было под силу абсолютно все!

Но жизнь его оборвалась. Когда он с отцом ехал в машине, в них на перекрестке, желая проскочить, на скорости сто пятьдесят километров в час въехала «девятка». Не смотря на то, что удар пришелся на пассажирскую сторону (над Сашей целый день трудились медики, чтобы можно было в открытом гробу его хоронить), отец тоже умер. И виновник этой аварии также не выжил.

Мы идем вдвоем в... пустоте. Только это светлая пустота, а не мрак. Все мутно-белое кругом. Саша в белой рубашке и белых брюках. Он блондин и всегда ходил только в белой одежде. Как и всегда раньше, он улыбается. Никто ни разу в жизни не видел, чтобы он грустил. Саша рассказывает, как хорошо ему живется, у него все замечательно, он не унывает.

- А ты чем занимаешься? – спросил у меня он.
- Убиваю людей. – Почему-то так ответил я.
- Ладно, – он положил руку мне на плечо и улыбнулся во весь рот, – все будет хорошо.

Выкарабкаешься.

Голубое небо. И ватные облака плывут по нему.

Я не чувствую своего тела. В голове шумит. Попытка пошевелить хоть чем-нибудь привела к волне резкой невыносимой боли, которая вмиг нахлынула.

Все те же облака. Не понял, отключался ли я от боли или я лишь моргнул. Но сейчас, собрав остатки разума воедино, становится ясно, что шум в голове это шум проезжающих машин. А это значит, что я недалеко от дороги. Но я не в силах даже головой повернуть, чтобы осмотреться хоть как-то. От воспоминаний того, что произошло, – не знаю когда, – меня начало мутить. Перед глазами все поплыло.

Я с головой засыпан снегом. Я полностью голый. Мне чертовски холодно. Прокапываю руками путь вверх, но снег не кончается. Холод пронизывает до костей.

И опять небо и облака. Если я еще раз вырублюсь, то хочу уже навсегда. Боль и холод – больше я ничего не чувствую. И в ушах вместо шума машин только гул, как от самолетного двигателя. На глазах, видимо от чувства жалости к самому себе, выступили слезы.

Не знаю, сколько времени прошло. Не знаю, был я в чувствах или в беспамятстве. Но я ощутил, как что-то подняло меня. Спустя секунды понял, что это чьи-то руки. Три пары рук куда-то понесли меня. Положили на что-то. Я почувствовал жжение в правой руке и отключился.

Яркий белый свет режет глаза. Я умер? Всегда считал, что нет ни рая, ни ада, что после смерти душа отправляется в небытие. Или же человек, умирая, засыпает навечно, и продолжает жить во снах.

Где я, что я – сказать не могу, и слегка приоткрытыми глазами кроме яркого света ничего не вижу. Голова не поворачивается – сил нет даже на это.

Сознание постепенно начинает активизироваться, и первое, что я понял, это что я жив. Вторая мысль, которая меня посетила – я лежу в каком-то помещении.

Части разума постепенно собираются воедино. Спустя десяток секунд я могу хоть как-то размышлять.

Я жив, я где-то лежу, я голоден, меня тошнит, я без сил. Не могу пошевелить ни одной частью тела, будто мне во все внутренности залили чугун. У меня ничего не болит. Последнее навело мысль, что, может быть я все же мертв, но тут же пришла вторая версия – я в больнице.

И я хочу спать. С этой мыслью я уснул. За короткий промежуток времени я так часто это делаю, что возникает ощущение, что у меня под лопаткой находится кнопка «Вкл./Откл.» и некто ее постоянно нажимает.

Точно сон пересказать не могу, но там были мои родители.

Очнулся от чувства, что кто-то пальцами раздвигает мой правый глаз. Вот и фонарик появился, святящий в него. От этого света глаза захотелось закрыть, но пальцы не давали. Передо мной все плывет, и, склонившуюся надо мной голову разглядеть не могу, вижу только контуры.

– Скажи что-нибудь, – прозвучал голос издалика.

«Где я?», – прозвучало лишь в моей голове, но, в чем уверен точно, губами пошевелил, чтобы сказать это.

Через некоторое время услышал:

– Сейчас нельзя. Он даже говорить не может. – Пауза. – Не волнуйтесь, его состояние стабильное.

И я опять уснул.

Проснулся я как после хорошего сна с пятницы на субботу.

Понадобилось несколько секунд вспомнить, как я оказался в больнице. Я потянулся и с радостной мыслью отметил, что силы начали ко мне возвращаться. Хотя не настолько, чтобы мог мешки с поезда разгружать – чувствовал я себя уставшим и немощным, но это все же лучше, чем ничего.

Я лежал в одиночной палате, а слева от меня у стенки (как же я сразу его не заметил) на стуле сидел пожилой мужчина в белом халате, читал какой-то журнал. Он был крупного телосложения, с короткими седыми волосами, точнее с остатками седых волос – почти всю его голову занимала лысина, – и козьей бородкой. Он сильно напоминал мне Джима Хэкмена.

– Где я?

Только спросил, как обнаружил, что видеть могу только правым глазом.

– Что это?! – я в панике схватился за левый глаз. На нем была повязка. – Вы вырезали мне глаз?!

– Успокойся, – спокойно ответил он, медленно складывая журнал. – Глаз удалось спасти. Как ты уже, наверное, понял, ты в больнице. И ты в хороших руках.

Врач встал и подошел ко мне.

– Не волнуйся, через месяц, а может и раньше, выйдешь отсюда, как ни в чем не бывало. – На его лице появилась улыбка. – Повязку с глаза дня через три уже снимем.

Я постарался привстать, но тут же очень больно стрельнуло в левом боку. Меня скрючило. И еще обнаружил, что на правой руке загипсованы два пальца.

– Тебе лучше лежать в покое, – он проверил пульс на моей руке.

Рядом с койкой установлен огромный агрегат, на котором высвечена целая куча всяких разных показателей. Уверен, что и пульс там тоже показан. А его этот жест с проверкой пульса на руке это лишь показуха заботы обо мне.

– У тебя два ребра сломаны, – продолжил он. – И внутренности отбиты, особенно досталось почкам. Глаз спасли, но при первом осмотре врач сказал, что придется удалять. Ну, и по мелочи хватает: ушибы, пара гематом, синяки. Как ты, наверное, уже сам обнаружил, пальцы на правой руке сломаны. И еще сотрясение мозга. Хорошо, что обнаружили не поздно. Не знаю, сколько ты там провалялся, но еще несколько часов, и ты умер бы.

Я посмотрел на свою грудь и ужаснулся – она была вся красно-синего цвета.

– Спасибо Вам, доктор.

В ответ он лишь улыбнулся.

Несколько секунд подождал, а затем продолжил:

– Скажите, а это нормально, что я весь дрожу?

– Да. Скорее всего, это от голода.

Понимая, что он собирается уйти, я все же спросил его:

– А мои родители? Они знают, что я здесь? Они видели, что со мной?

– Конечно, они знают, – он придвинул стул к койке и сел на него. – И как узнали, что ты здесь, так сразу подсуетились, чтобы ты лежал в одиночной палате и за тобой был особый уход. Если честно, не люблю я весь этот блат. Я главврач этой больницы, и все пациенты для меня одинаковы – нет особенных у меня пациентов, – а тут звонят из министерства и указательным тоном говорят, что ты вот такой вот важнее остальных. Не знаю, кто твой отец, а может и мать, но они мне уже не нравятся. А как сестра доложила, что твое состояние нормализовалось, я пришел навестить тебя, и сидел, ждал, пока проснешься.

– Родители уже приходили?

– Да, они были вчера, но их даже в палату не пустили. Сидели у двери с полудня и ждали, когда же ты оклемаешься. Или хоть каких новостей. И даже, как узнали, что здоровью твоему уже ничего не грозит, все равно остались и сидели тут до позднего вечера.

Мой взгляд устремился в потолок. Я пытался представить себе картину, когда родителей известили, что произошло с их сыном.

– А тебе лучше сейчас отдыхать. Я пойду, позвоню твоему отцу. Уверен, они сейчас тут же примчат, и тебе уж точно будет не отдыха.

Главврач в очередной раз улыбнулся, посмотрел на меня взглядом «Все будет хорошо» и удалился из палаты.

С родителями мне встречаться совсем не хотелось. Во-первых, не хочу, чтобы они видели меня в таком состоянии, во-вторых, выслушивать какой я бедный и несчастный, желания также не было. Готов поспорить на сотню баксов, что в первую очередь мама скажет: «Бедный мой сыночек», и еще на сотню, что не пройдет и пяти секунд, как она разрыдается.

Интересно, не поболтались ли они кому из моих знакомых, где я нахожусь сейчас. То, что я в больнице, знает уже вся школа – папа, скорее всего, уже позвонил директору и объяснил, почему меня нет на уроках и не будет еще очень долго. Остается надеяться, что никто не знает, в какой именно больнице я сейчас нахожусь. Не хотелось бы, чтобы в палату ввалился весь класс с сумками фруктов и другой дряни, с которой принято навещать к больным. Противно будет видеть все эти лица.

Как представил, что мне могут принести всякие ананасы, йогурты и многое другое, так желудок начало сводить. Я готов сейчас съесть слона и закусить его жирафом. Если родители приходили вчера, значит, я тут второй день, из чего делаю вывод – сегодня понедельник. Я не ел уже два дня.

На тумбочке рядом стояла большая бутылка минеральной воды. Медленно и аккуратно привстал и налил себе стакан. Выпил его залпом, а за ним и второй.

Начала болеть голова, и подташнивать. Дрожь никак не прекращалась. Через некоторое время стали болеть суставы. Левый бок со сломанными ребрами жгло так, будто его гладят утюгом.

Надеюсь, это от того, что я двигался, а не потому что действие обезболивающих препаратов проходит – даже представлять не хочу, что это такое терпеть боль от одного приема таблеток до следующего.

Не вижу рядом ни кнопки, ни даже колокольчика для вызова медсестры. Чтоб ее позвать, мне надо орать на всю больницу? Или как тут это принято? Да и главврач мог бы перед уходом сказать, что мне надо сделать, чтобы позвать кого-нибудь. Мне нужны таблетки от головной боли, укол обезволивающего, чтобы не так горели переломанные ребра, и чего-нибудь пожрать! И кому мне это говорить? Стоящему рядом стулу? Или медицинскому оборудованию?

А в какой я вообще больнице сейчас нахожусь? Если она платная, то папа немало денег потратил на это. Но он узнал о том, что я здесь, после того, как меня сюда положили. Значит, в городской больнице, а папины связи устроили все так, чтобы я тут провел время с наивысшим комфортом, насколько это здесь возможно.

Только сейчас я начал размышлять, что же произошло. Вася пожаловался брату на меня, и Валеро подтянул дружков. Меня бросили в машину и куда-то отвезли. Где-то меня избивали, а потом куда-то бросили. Кто-то обнаружил валяющееся тело и вызвал скорую. Может, еще и милицию в придачу. Слишком много неопределенностей: кто-то, где-то, куда-то – но ответы мне были сейчас не интересны.

А родители знают, что именно со мной произошло? А где сейчас Вася? Его уже трахают всей тюремной камерой? Его вообще посадили? Или сейчас этот ублюдок дома сидит и смотрит порнуху?

Что-нибудь вообще изменилось от того, что произошло два дня назад?

А друзья?

Друзья! Одно, блядь, название! Никто не предпринял что-либо, чтобы эти уроды не увезли меня! Что им мешало толпой вытащить меня из лап шакалов? Такие вот они друзья, значит.

Родители приехали через два часа, как главврач навестил меня.

Как я и предполагал, мама, войдя, сразу кинулась к койке и, стоя на коленях, обняла меня, произнесла «Бедный мой». И не отпускала. Плакать она не стала, так что вторые сто долларов я бы проиграл.

Папа деловито подошел и похлопал меня по ладони. Он молчал. А что он мог сказать? По его влажным глазам и так можно все понять. Похоже, он еле сдерживался, чтобы не начать лить слезы.

На плече почувствовал влагу – мама все же не удержалась.

Не знаю, что может быть хуже для родителей, чем видеть своего ребенка в поломанном состоянии. Наверное, только смерть этого ребенка.

Избитый сын лежит на больничной койке, а рядом с ним, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться в голос, стоят его родители. Трогательная картина. Но меня больше волновало, что же находится из еды в пакете, который держал в руках отец. А еще я хотел в туалет. Уже практически нестерпимо хотел в туалет.

– Как ты себя чувствуешь? – высморкавшись, спросила мама.

– Ничего, – сухо ответил я, – нормально.

Мама лишь жалостливо смотрела на меня и, не переставая, гладила мою голову. Папа тоже не знал, о чем говорить. Он еще раз дотронулся до моей руки и крепко сжал ее. В его глазах я прочитал «Держись!»

– Только вот, кажется, действие обезболивающих заканчивается. – Решил я прервать паузу. – Сломанные ребра нестерпимо уже горят, да и глаз разбитый тоже начитает побаливать. И хрен знает, как тут сестру позвать.

Папа ну очень строгим взглядом пронзил меня, но решил, сейчас не время учить меня, что я должен выбирать выражения, особенно, когда говорю в присутствии дамы.

– Да и поесть ни разу не приносили, а голодный как волк. И трясет меня – врач сказал, как раз от голода.

– Золотко, извини, – начала оправдываться мама, – это мы попросили ничего не давать тебе кушать, пока мы не приедем. Я хотела сама тебя накормить – а то неизвестно еще из каких продуктов тебе тут наготовят.

Она засуетилась, будто собирала все самое необходимое при объявлении воздушной атаки, только сейчас ей нужно было доставать вещи, а не убирать. Из пакета полезла куча всего. Как там столько уместилось – одному Богу известно. Какие-то булочки, йогурты, кефир, яблоки, консервированный ананас и многое другое. Я сразу задумался, можно ли мне сейчас это все есть, и имеется ли какая-нибудь диета на мой случай, но желание что-нибудь проглотить затмило эти мысли.

– Только, – я замолчал и отвел взгляд, потом продолжил, – я хотел бы поесть в одиночестве.

– Хорошо-хорошо. – Протараторила мама и еще раз обняла меня. – Я так тебя люблю! Ты не представляешь, как я распереживалась!

– Мы оба переживали, – сказал отец. – Пока не сказали, что состояние твое улучшилось, не знали и что думать. А мама, – папа выдавил улыбку, – вчера сквозь медсестру ломилась, все хотела хоть увидеть тебя. Я уже подумал, что этой медсестре тоже палата понадобится. Мать еле удержали.

– Все будет хорошо, любимый, не переживай, – все еще не отпуская меня, сказала мама. Я путаю или до этого слышал, что это как раз не я тут переживаю? Или она так себя пытается успокоить? Я переживаю лишь о том, когда, наконец, я схожу в туалет и смогу наполнить пустой желудок.

– Что с тобой произошло? – все же решился спросить отец.

Что значит, что со мной произошло?! Я думал, что Вася, его брат и дружки уже в СИЗО и ждут приговора суда! Никто ничего не знает или это родителям только не сообщили?!

– Меня избили. Не видно, что ли? – грубо огрызнулся я.

Больше никто из родителей не поднимал этого вопроса.

Следующие полчаса прошли в атмосфере жалости и печали. «Я тебя люблю» и «Покоя мне не было» от мамы, «Мы все тебя любим» и «Не волнуйся, поправишься» от папы, «Ты не представляешь, как мы переживали» и «Поправляйся быстрее» от обоих звучали несколько раз. И всю эту картину дополнял взор на заплаканную, постоянно высмаркивающуюся, маму и отца, изо всех сил старающегося держаться духом, отталкивающего любые порывы показать, что он сейчас чувствует.

– Ты отдыхай, а мы обязательно заедем завтра, – мама поцеловала меня в щеку.

– Я к тебе утром заеду перед работой, хорошо? – спросил отец.

– Хорошо. Утром? А сейчас что? И сколько вообще времени?

Папа посмотрел на часы и ответил:

– Сейчас без четверти девять вечера.

– Понедельник?

– Понедельник, – кивнул он.

Отец еще раз сжал мою руку и – я был в шоке – нагнулся ко мне и тоже поцеловал.

– Совсем не хочется уходить, но тебе надо отдыхать. Там еще следователь ждет тебя...

– Какой следователь? – Моему удивлению не было предела.

– Сразу, как нам сообщили о случившемся, я незамедлительно побежал в отделение и написал заявление. Я еще среди ночи собирался сделать это, но думал, мало ли почему домой не вернулся. Может, ты у девушки или с друзьями загулял. Недоступность твоего телефона увеличила степень переживаний, но старался не поддаваться влиянию негативных мыслей.

Телефон! У меня был телефон. И где он сейчас? Я всегда оставлял его на газоне рядом с площадкой. Кто-то «подрезал», сдается мне. Причем, не маловероятно, что этот «кто-то» человек из своих.

– Главврач следующим же звонком, как позвонил мне, сообщил ему о том, что ты пришел в чувства и вроде как состояние твое стабильное. Хорошо, не забыли ему передать мою просьбу, чтобы первые, кто тебя навестит, были мы.

– Ясно. Пусть подождет пять минут – хочу хоть что-то в рот засунуть съедобное.

– Да. Хорошо. И, сынок, расскажи ему все, ничего не упусти. Я подключил знакомых, чтобы это дело было взято на особый контроль...

И тут я, блин, особенный. А чем хуже парень, которому вчера голову арматурой проломил, или девчонка, которую сегодня утром изнасиловали?

– ... Надеюсь, следствие будет проведено оперативно, и эти животные получают, что заслуживают.

Тут папа впервые за весь разговор позволил себе хоть что-то сказать про людей, которые положили его сына на больничную койку, хотя мама за все время разговора несколько раз бросалась словами «уроды», «нелюди», «твари» и тому подобными.

Первым делом следователь пожал мне руку и представился:

– Виктор. Ты как?

– Вроде, о-кей. Ники, – сказал я, улыбнувшись.

Виктор представлял собой крепкого здорового мужика с короткой массивной шеей и огромной квадратной головой. Его мощным лбом, казалось, можно прошибать стены, а маленькие, глубоко посаженные глаза, буквально просверливали насквозь, говоря «ты со мной не шути и говори, пожалуйста, правду и только правду». А на его угрюмом лице, если постараться, можно сосчитать минимум сотню морщин.

Одет он был в светло-коричневый костюм, под которым, совсем не сочетаясь, была надета черная водолазка. Когда он сел на стул, придвинув его вплотную к койке, мне показалась, что пуговицы на пиджаке сейчас вылетят с треском от напора на них необъятного живота, приобретенного многолетним опытом написания отчетов и других бумажек.

– Борис, – действительно начал он, – давай договоримся сразу – без детского сада. Никаких «Ники» и прочей ерунды. У нас тут не песочница, в которой один хулиган отнял лопаточку у хорошего мальчика. У нас тут проблема, очень большая проблема.

Он прям мозг! Глаза (а точнее глаз) мне открыл на то, что произошло на самом деле! «Очень большая проблема», твою мать, у меня, а у не тебя, гниющего за писаниной ленивца, мечтающего о скорейшей пенсии, которому начальство, после звонка моего папы, дали пинка со словами «Иди, поработай!».

– Скажите, – я решил сразу спросить то, что меня интересовало сейчас больше всего, – были ли еще заявления? Еще кто-нибудь, помимо моего отца, заявлял в милицию?

– Нет. – Виктор покачал головой. – Я узнавал вчера и сегодня. Ни одного заявления, ни про похищение, ни про избивание молодого человека не поступало. Только одно было касаясь тебя в воскресенье утром с поста ДПС – о том, что недалеко от дороги, на внешней стороне МКАД, в двухстах метрах от пересечения с Киевским шоссе, обнаружено тело избитого молодого человека. Тебя.

А как они узнали, что это я? Жаль, что не озвучил этот вопрос – это так и останется для меня загадкой. А не спросил, потому что голова была занята одной мыслью: «Как же так?» Более десятка человек видели, что пятеро отморожков швыряет меня в багажник машины. И никто, не единая душа, не взяла тут же телефон, не позвонила в милицию, не сообщила о факте похищения с вероятностью предполагаемого убийства. Никто.

Виктор начал убеждать меня, что эти поддонки получают по заслугам, что закон восторжествоует, что их засадят очень глубоко, чтобы они больше никого и пальцем не тронули. Он все продолжать разглагольствовать о необходимости постоянно чистить улицы от таких уродов. Но его слова звучали в голове лишь фоном моих мыслей. Испытывая полное безразличие к словам Виктора, я повернул голову в противоположную сторону.

Меня кинули. И это не тот случай, когда в подъезде пара гопников пару раз дает по роже и отбирает мобильный телефон. Это не девчонка, которая, все же, не приходит на свидание, а ты, как дурак, ждал ее два с половиной часа в назначенном месте с букетом из пяти роз. Это не родители, которые дарят тебе на день рождения настольную игру «Монополия», когда ты ждал от них роликовые коньки. Это не сосед, с которым с детского сада вместе, который уже как месяц не может вернуть тысячу рублей, хотя занимал на неделю. Это ведь друзья, которые, мало того, что не отбили, когда меня кидали в багажник, – а не надо быть семь пядей во лбу, чтобы понять, что меня не на пикник с собой берут, – так еще и не позвонили в милицию, сообщить о произошедшем.

Некоторые были одноклассниками, – с кем-то даже с первого класса учился, – с кем-то постоянно тусовались вместе, с половиной виделся почти каждый день на баскетбольной площадке, двое ребят вообще были вместе со мной в одной школьной команде. А Гоша? Да мы с пеленок близкие друзья! Вместе прошли и огонь, и воду. Можно каждого человека перечислить, кто был свидетелем того вечера, насколько они мне близки были, но, как оказалось, это все пустое для них – слово «дружба» для них ничего не значит. Для них это лишь набор букв, равный слову «общение».

Глаза стали влажными. По щеке одна за другой потекли слезы. На меня произвело впечатление взрыва атомной бомбы осознание того, что меня предали.

– Ты их разглядел? – донеслось до меня.

– Нет.

– У тебя есть подозрения, кто это мог быть?

– Какие подозрения?! – я злобно посмотрел на него. – Вы вообще собираетесь спросить, что со мной произошло?

Несколько секунд мы в тишине смотрели в глаза друг друга. Виктор сидел сейчас и думал: «Стоило начать с предложения «Расскажи мне все по порядку, дружище»», но прервал паузу другими словами:

– Ну, так ты расскажешь мне? – спросил он, будто извиняясь.

А я уже принял решение. Взвесил все «за» и «против». Может, я поступил неправильно. Может, кто-то даже еще пострадает от этих мудаков, но менять свое решение не собираюсь. Я не считаю, что люди, творящие зло, потом это зло получают вдвойне. Я не приверженец позиции, что некая всевышняя сила (если хотите, называйте ее Бог) потом расставит все по своим местам, и мы получим то, что заслужили своими поступками. Я не верил в карму.

В данный момент я не думал ни о возмездии, ни о необходимости торжества закона, ни о добре и зле, ни о том, правильно ли я сейчас поступлю – сейчас моя голова была занята только одной мыслью, что почти восемнадцать лет прожитой жизни, чем занимался, кто меня окружал, что я познал, – все это превратилось в Ничто!

Перед тем, как пришел следователь, я выпил банку йогурта и, корчась от боли, доковылял до туалета. Опустошив, готовый взорваться мочевого пузыря, я ополоснул лицо и посмотрелся в зеркало.

Главврач больницы, общаясь со мной, описал мои повреждения так, словно у меня было всего пара царапин.

Левый глаз перевязан. Лоб такой, будто меня лицом вниз по асфальту возили. Правая щека в два раза больше левой и вся сине-желтого цвета. На носу какой-то пластырь наклеен. Нижняя губа вся разодрана и в запекшейся крови. На подбородке большая красная ссадина. Не говорю уже о повреждениях ниже шеи – весь в бурых пятнах. Я был одной большой гематомой.

И в таком виде меня лицезрели родители. А могли бы и вообще больше не увидеть. Разве что, только на опознании тела и похоронах.

А никто из друзей и пальцем не пошевелил, чтобы я избежал такой участи.

– Я гулял вечером в районе, – устремив свой взор на лампу надо мной, начал я рассказывать свою версию происшедшего, а Виктор записывал все в маленький блокнот. – Надоело сидеть дома и, дождавшись, когда температура немного спадет, пошел прогуляться. Недалеко от отделения Сбербанка, когда я шел вдоль примыкающего к нему дома, с его задней стороны, почувствовал сильный удар по голове. Я вырубился.

– Где этот Сбербанк?

– В смысле?

– Его адрес.

– А я откуда знаю адрес? Посмотрите по карте его адрес. Ближайший к моему дому.

– Ладно, у отца твоего спрошу. Помнишь еще что-нибудь?

– Пару раз приходил в себя. В первый видел только ботинок, от удара которого я отключился. Во второй, как очнулся, меня тут же начали избивать, и я опять потерял сознание.

– Никого не разглядел?

– Нет, – ответил я после двухсекундной паузы. – Один стоял прямо передо мной, но все было расплывчато, и разобрать ничего не мог.

– Вообще ничего?

– Абсолютно. Мне надо какое-нибудь заявление написать?

– Нет. Твой папа уже написал заявление об избиении сына.

Виктор сидел рядом и молчал. На минуту он углубился в свои мысли, скрестив пальцы.

– Понимаешь, – прервал он тишину, – у меня очень большой опыт. Я понимаю, когда мне врут, а когда говорят правду. И сейчас мне кажется, что ты чего-то не договариваешь.

– Мне нечего больше сказать.

– Ты врать не умеешь. – Виктор все пытался меня разговорить.

– Повторить? Мне нечего больше сказать! – пытался я дать ему понять, что разговор окончен. – И мне безразлична Ваша способность вынюхивать правду и вранье.

– У меня нет никакой способности. Я всегда руководствуюсь фактами.

Виктор продолжал говорить ровно и спокойно. На мои хамство и наезды он никак не реагировал.

Только я раскрыл рот, спросить, что это за факты, как он сам заговорил об этом:

– Говоришь, пошел прогуляться? В баскетбольном костюме?

– Я...

– Ну, хотя это естественно, – даже не дал он мне высказаться, – любишь в баскетбол играть, костюм даже перед сном не снимаешь, наверное. А мячик под подушку кладешь? Думаю, вряд ли.

– Нет. – Я не знал, что еще сказать на это.

– Твоя мама сказала, что ты, как обычно, пошел играть, прихватив с собой мяч. Слабо мне верить, дорогой ты мой, что каждый раз на прогулку ты его с собой таскаешь. – Он посмотрел на меня взглядом победителя.

– Я пошел на площадку рядом с домом, а там никого не было...

– Слушай, не делай из меня дурака, – он улыбнулся.

Уверен, Виктор сейчас прикладывает максимум усилий, чтоб не сорваться. Представляю, как подобный разговор проходит у него в кабинете. «Не имей мне мозги!», и молоток падает на запястье допрашиваемого, переламав там все кости.

– Что Вы хотите услышать? – сказал я, понимая, что глаза мои стали влажными.

«Почему я не говорю ему правду?», – спрашивал я сам себя.

«Потому что правда не изменит тебя и окружающий тебя мир!», – таков был ответ.

– Я хочу услышать, как все было на самом деле. – Уже со злостью в голосе говорил он. – Я не собираюсь играть в «вопрос-ответ», когда ты начнешь придумывать всякие отговорки, пока у меня не останется, в какую ложь еще ткнуть тебя. Я никогда не поверю, что ты пошел на площадку и, обнаружив ее пустой, развернулся и отправился домой. Твоя мать сказала, что ты накануне выиграл чемпионат округа. Такие как ты, которые играют каждый день в любое время года, знают столько мест, где можно поиграть, что и пальцев на руке не хватит. Не говори, что кроме той, что на школьном дворе, ты ни одной площадки не знаешь, где сверстники собираются поиграть.

– Я Вам все сказал! – крикнул я. Еще минута, и я разрыдаюсь.

– Слушай, если ты хочешь выгородить кого-то, то это зря. Смотри, что они с тобой сделали! Они тебя поломали, как деревянную игрушку! Этих тварей и людьми назвать нельзя! Когда тебя обнаружили, твое лицо было в засохшей моче!

Так вот что это было, когда я очнулся от воды и чувствовал соленый вкус на губах. Жесть! На меня нассали! Меня сейчас стошнит!

Мне стало очень плохо.

– Пожалуйста, уйдите, – я уже умолял.

– Да пойми ты меня! Ты боишься кого-то? Они сядут! Даже, если не знаешь, кто это, все равно скажи, как было на самом деле. Может, будет за что зацепиться, и мы найдем их! Твоя

мама дала мне пару человек и их телефоны, с кем ты обычно играешь, но они говорят, что не выходили из дома в субботу. Директор дала телефоны других игроков школьной команды. Все они говорят, что знают, что тебя избил, но ничего толком сказать не могут, мямлят что-то бестолковое, только вот до одного никак не дозвонюсь – к телефону не подходит, а сам не перезванивает...

– Уходите, – остановил я его монолог, когда из глаз уже текли слезы.

«С кем обычно играешь...», «других игроков школьной команды...» – посыпались вопросы, но я и рта не раскрыл.

Похоже, Виктор понял, что сегодня уж он точно ничего не добьется от меня. Он опустил голову и медленно встал. Еще медленней он шел к двери. Может, ждал, что я его окликну словами «Я все вам расскажу!»? Он схватился за ручку, открыл дверь и повернулся ко мне.

– Ты подумай хорошенько, может, будет чего еще сказать. На днях еще зайду. Поправляйся, Боря.

– Ники.

Он вопросительно взглянул на меня.

– Борис умер. Меня зовут Ники.

Виктор посмотрел себе в ноги, постоял так пять секунд, лишь покачал головой и вышел.

И сразу же, – аллилуйя! – вошла медсестра, спросить все ли нормально, и как я себя чувствую. На мою просьбу дать какое-нибудь обезболивающее ответила, что то, что я принимаю, очень сильно и принимать его, чтоб печень не посадить, нужно строго по графику. Следующий прием только через полтора часа.

II

Палата, в которой мне придется провести около месяца, представляет собой комнату с одной койкой, причем комната не маленькая – видно, что рассчитана на двоих, а то и на троих человек, но стараниями моего папы она превратилась в одноместную палату. Уборная расположена в самой комнате – унитаз, раковина и душевая кабина. Как-то летом мы поехали с мамой на три недели в подмосковный дом отдыха. Так вот эта палата очень сильно напоминает мне номера в этом доме отдыха. Единственное, но существенное отличие – комната вся белая. Даже туалет-душевая выложена белой плиткой. Да и вместо мягкой приятной кровати спать сейчас приходится на койке с тонким поролоновым матрасом. Рядом с койкой тумбочка. Еще есть стенной шкаф с проволочными вешалками-плечиками и стул.

Потом, как буду ходить нормально, без боли, да и как на людях смогу показаться без ужаса для них, схожу на экскурсию по больнице – осознаю, что давления этих четырех стен я долго не вынесу.

Медсестра, которая ухаживает за мной, готов поспорить на мой завтрак (к которому я сегодня даже не притронулся – ну совсем не вызвала аппетита у меня эта геркулесовая каша) – это студентка старших курсов, оформленная здесь на практику. Стройная фигура, привлекательное лицо, с нежными руками – когда меняет бинты на глазу, одно ее прикосновение к голове вызывает легкую приятную дрожь. От ее волос, собранных в хвостик, приятно пахнет весенним лесом. Ее раскрывающиеся тоненькие ярко-накрашенные красной помадой губы лихорадочно будоражат мою фантазию. Но из них вылетает «готов?» или «завтрак», а не желаемое «Иди уже ко мне, дорогой». А что со мной происходит, когда она перевязывает мое тело! И при этой процедуре мой взор устремлен только в одну точку, от которой просто невозможно взгляд отвести, – на ее полного второго размера грудь в белом лифчике, которую она демонстрирует незастегиванием трех верхних пуговиц костюма. Уверен, она долгое время будет являться мне в эротических фантазиях. Может, попросить ее поиграть с моим младшим другом? Интересно, вот как бы она отреагировала на такую просьбу о помощи? Гляди, повезет – поймет, что правая рука-то с переломанными пальцами не в рабочем состоянии, а я как-никак молодой парень, усыхающий по сексуальной разрядке.

Пока еще даже имени ее не узнал, но, как вылечусь, стану красивым и прекрасным, обязательно познакомлюсь с ней. Хотя бы узнаю ее имя. И, если смелости хватит, спрошу «как дела?» или «как прошли выходные?», а если уж совсем страх потерять, то почему бы и не попросить придти ко мне вечером чаю попить, поболтать.

Папа приехал на следующий же день в первой половине дня. В дверях в палату он столкнулся с уходящей медсестрой, которая сделала мне укол обезболивающего. В отличие от вчерашнего дня сегодня папа был в халате.

– Как ты? – сухо спросил он, садясь на край моей кушетки. – Лучше?

– Даже не знаю. Вроде, хорошо.

Он взял меня за руку.

– Мама только к утру уснуть смогла. Плакала всю ночь. – И после паузы добавил. – Я, как сам понимаешь, тоже не о сне думал.

– Понимаю. На меня сейчас смотреть зрелище не из приятных.

– Да. – Он начал ладонью массировать свой лоб. – Мне сегодня следователь звонил.

– И чего этот Виктор хотел?

– Я думаю, ты знаешь. Он высказал мне свои впечатления о вчерашнем визите к тебе.

Ничего не хочешь мне сказать об этом?

– Он считает, что я что-то умалчиваю? – виновато спросил я.

В ответ лишь кивок.

– Пап, – я сжал его руку, – поверь, я знаю, что делаю. Так нужно. Мне нужно.

– Надеюсь, – он слегка улыбнулся, – ты не собираешься в Бэтмена играть?

– Нет, пап. Я не собираюсь устраивать ни самосуд, ни чего-либо вообще предпринимать.

– А чего ты хочешь добиться, скрывая истину?

– Я хочу исчезнуть. – Увидев на лице отца непонимание и даже небольшую тревогу, что мной и ожидалось, но я продолжил. – Не хочу больше видеть, и чтобы меня видели, все люди, с которыми я был знаком. Кроме тебя и мамы, разумеется.

– А школа?

– Ну, мне все равно здесь валяться до ЕГЭ, а экзамены – уверен, ты придумаешь, как обойти эту систему, чтобы не со своим классом сдавать.

– Ясно.

– Кто-нибудь знает, что я здесь?

– Я никому не говорил. Директору по телефону только сказал, что ты в больнице, и минимум две недели тебя точно не будет. Не говорил ни что с тобой, ни в какой больнице. Но, учитывая, что Виктор и к ней навещался, скорее всего, она уже все знает. И, кстати, желала тебе скорейшего выздоровления.

– Спасибо. – Сказал я, хотя мне было абсолютно все равно.

– Мама, вроде, тоже ничего не говорила. Но я передам ей твою просьбу, сразу, как выйду из палаты. И Виктору скажу. Но все равно хотелось бы знать, что у тебя на уме.

– Не беспокойся. Еще раз говорю, что я знаю, что делаю.

– Искренне хочется в это верить. Тебе нужно что-нибудь? Ты извини, что с пустыми руками. Перекусить мы тебе и так принесли вчера много всего – и половины, наверное, не съел. А из вещей, даже не знаю, что и нужно.

– Хорошо, что ты спросил. Записывай. – Я улыбнулся во весь рот, намекая, что список не будет коротким.

Отец достал свой телефон и взглядом дал понять, что готов записывать.

– Первое, что нужно, мои учебники, чтобы готовиться к экзаменам, и пару толстых тетрадей, и ручек штуки три. Мой iPod с зарядкой – где-то на столе у меня в комнате валяются. Книги привези: Артура Хейли, Ремарк, Набокова – его американский период не читал еще. Чака Паланика привези – обязательно «Невидимки» не забудь.

– Ты же говорил, что дважды уже читал.

– И в третий раз прочитаю. И Гришема – я у него только «Фирму» прочитать успел. Вроде, это все.

– Всегда приятно осознавать, что у сына неплохой литературный вкус. За некоторыми исключениями. Учитывая, что молодежь сейчас вообще практически ничего не читает. Это все? Может, тебе ноутбук привести? А телефон?

– Ноутбук мне совсем уж ни к чему. А телефон мне зачем?

– Хотя бы, что нам с мамой звонить тебе. Или сам, если что понадобится, позвонишь.

– Что-нибудь дешевое купите тогда.

– Хорошо. Вечером заеду домой все соберу. Попрошу сейчас маму, чтобы из одежды тебе что-нибудь собрала.

– Спасибо.

– Слушай! – его осенило. – Тапочки, зубная щетка, дезодорант и еще что-нибудь из повседневной необходимости тоже ведь нужно!

– Ну, да. Как-то я не подумал.

– И мы с мамой вчера, когда сюда ехали, даже не подумали об этом. Привезем.

Мы посмотрели еще друг на друга несколько секунд, и он встал.

– Я поеду, мне на работу нужно. А вечером приедем с мамой. Привезу все, что просил.

– Буду ждать.
– Давай, сынок. Поправляйся скорее.
– Пап, – я очень сильно сжал его кисть, – спасибо тебе большое, что не лезешь с нотациями и не задаешь лишних вопросов.
– Ты уже взрослый. Сам про все расскажешь, как считаешь нужным.
Он потрепал мне волосы, встал и вышел. Как же сильно он хотел верить, что его сын уже и вправду взрослый и принимает верные решения.

Вечером папа приехал вместе с мамой. В руке у папы была сумка с вещами, которые я у него просил.

Первым делом, после ухода родителей, схватил одну из тетрадок и на обложке толстыми буквами написал «НИКИ».

Из дневника «НИКИ». 4 мая 2010 года.

Я лежу в больнице, в которой очнулся вчера. Меня зовут Ники. Мне 17 лет. Я в хлам избитый.

Бориса, на глазах у его друзей, один мудака и пятеро братков вывезли в багажнике и долго били. Лицо превратили в месиво. Сломали ребра. Даже на лицо нассали. Теперь Бориса больше нет. Он умер вместе с дружбой с людьми, с которыми он бок о бок прожил ни один год.

Но есть я, Ники, который собирается выйти из больницы, сдать экзамены в школе, поступить в институт. Не знаю, как мне жить, стараясь постоянно не попадаться на глаза моим знакомым, но я решил начать все по-новому, и от этого решения не отступлюсь.

Пока еще никак не могу оценить мое впечатление от проживания в больнице. Поначалу единственным развлечением дня было посещение моей палаты медсестрой. Сейчас у меня есть книги, игры в телефоне, и плеер с 64 Гб музыки. Обязательно надо будет попросить папу привести мне колонки для него.

Не могу объективно оценить сейчас свое душевное состояние, но одно могу сказать с уверенностью – у меня нет ни капли сожаления. Не знаю, откуда у меня это, но в какой-то степени испытываю даже немного радости. Будут новые друзья, будет новое окружение, будет новый я. Новый и совсем другой.

Следующие двадцать пять дней я провел, не выпуская из головы вопрос «Как же заключенные проводят в тюрьме по два года, по пять, по десять, по двадцать лет?». Серьезно – изоляция это страшная вещь. После пяти дней стало появляться ощущение, и с каждым днем оно становилось все сильнее и сильнее, что стены начинают сужаться.

Все время мне что-то кололи, давали пить таблетки, какие-то мази втирали – и все это делала почти всегда одна и та же медсестра. Я прозвал ее Мальвина (хотя сходства с подружкой Буратино нет никакого). Настоящего имени ее я не знал, и до конца моего пребывания в больнице так и не узнал, не смотря на все мое желание познакомиться с ней. Она лет на пять старше меня и сногшибательная – у нее и без меня куча поклонников. А я-то ей к чему? Уверен, ей ежедневно поступает по двадцать предложений сходить на свидание, попить кофе, провести вечер, а, может, и руки и сердца от пациентов-извращенцев, которые, делая ей эти предложения, раздевают ее глазами и представляют, как во всяких немислимых позах занимаются с ней сексом. И в два раза больше таких же предложений она получает от коллег, знакомых, сокурсников и случайных прохожих на улице. Так что, я лишний – это точно.

На пятый день пребывания, ни у кого ничего не спрашивая, не интересуясь о возможных последствиях поступка, вышел из палаты. Вальяжно прошелся по коридору, рассматривая таблички на палатах и кабинетах. Вызвал лифт, обратив внимание на табличку с цифрой «7» рядом (получается, я на седьмом этаже). Зайдя в кабину лифта, недолго думая, нажал кнопку первого этажа. Внизу будничная дневная суэта. Посетители бегают со своими картами

и направлениями на лечение, врачи носятся туда и обратно с видом, что каждая секунда замедления может стоить пациенту жизни.

По буклету, взятому мною на рецепции, – у девушек за стойкой был удивленный взгляд, увидев меня, – понял, что нахожусь я в больнице, в которой у моего папы страховка от работы. Я удивлен – сотрудников МИДа (и других сотрудников такого плана серьезных организаций) должны кормить хорошо. Не говорю, что еда не съедобная, но могло быть и лучше. Иногда приносят такое, что от одного вида аппетит пропадает. Наверное, из-за этого родители и привозят каждый день что-то съестное. Как-никак папа не последнюю должность занимает у себя – могли бы ему и посерьезней медицинские учреждения включить в страховой полис.

Перед стендом, где я изучал услуги, предоставляемые клиникой (как они себя сами называли), убедил себя в одном – медицина это бизнес. И те, кто держат этот бизнес, желают нам не здоровья, а чтобы мы чаще болели, а их подчиненные врачи, видимо имея с этого свою долю, назначают как можно больше обследований, курсов лечений и тому подобного, многое из которого, уверен, этим пациентам и не нужно.

Не знаю, откуда она взялась – как из-под земли выросла, – но я услышал ее божественный голос.

– А ты что тут делаешь?! – грозно произнесла Мальвина.

– Ааа... хм..., – стоило, конечно, сказать «тебя жду», но не смог, – гуляю.

– Гуляет он! Тебе еще дня три строгого лежачего режима надо точно!

«С тобой бы я с удовольствием проводил время в лежачем режиме», – подумал я. В фильме «Достучаться до небес» один из главных героев (которого играл Тиль Швайгер) проводил время в больнице с таким настроением, который был сейчас у меня. Но у меня духу не хватит выставить это настроение на показ. Поэтому я, ничего не ответив, пошел к лифту и вернулся в палату.

Родители навещали меня каждый день без исключения. Приезжали вдвоем по вечерам. Бывало еще, папа заедет перед работой утром на пять минут, или мама могла заехать днем, но вечером обязательно приезжали вместе. С каждым днем мне становилось все лучше, и это отражалось на их настроении. Со временем я перестал их видеть подавленными и безрадостными, наоборот – много улыбались, шутили и рассказывали какие-нибудь смешные истории.

Но слова матери, которые она произнесла при очередном своем дневном визите, радости мне не доставили. Мне было абсолютно неприятно – даже противно – услышать, что некоторые мои одноклассники и другие «друзья» звонят домой, а один раз заходили и интересовались: одни спрашивали, куда я пропал, другие – как мое здоровье. «Куда я подевался», скорее всего, интересовались те, кто не учился со мной в школе и не знали о происшедшем, а про здоровье – одноклассники (директор видимо рассказала классному руководителю, а та – всему классу). Мама молодец – говорила, что со мной все нормально, а на их желание навестить отвечала, что я лежу в закрытой клинике, куда посещение разрешено только близким родственникам.

Не знаю, как бы я вел себя в подобной ситуации на месте родителей, но они меня, честное слово, заколебали. Каждый день одни и те же вопросы, темы разговоров практически не менялись, а больше всего что доставало – они звонили по два-три раза на дню и во время телефонных разговоров задавали все те же «Как ты себя чувствуешь?», «Все ли хорошо?» и «Нужно ли тебе чего привести завтра?». С каждым днем от этой заботы тошнило все больше и больше в геометрической прогрессии.

Время тянулось катастрофически медленно. Я готовился к экзаменам, читал книги, слушал музыку и иногда записывал свои мысли в личный дневник. Если посмотреть, чем другие пациенты занимаются, то все банально: книги, ноутбуки, просмотр фильмов, телефоны – у них есть все необходимое, чтобы убить время, которое им тут назначили провести.

Не смотря на то, что каждое утро я уже ждал вечера, чтобы проснуться утром и опять ждать окончания дня – настолько невыносимым и долгим мне казалось время, проводимое

здесь, – двадцать пятый день настал, как мне сейчас кажется, быстро. Еще неделю назад родители с радостью сказали мне, что, по словам главврача, ровно через семь дней меня можно забирать отсюда домой. По мне, так можно было вообще меня выписывать еще задолго до этого, но врачи, делая вид, что за моим выздоровлением необходимо непрерывное наблюдение, старались как можно денег выкачать из страховой компании за мое пребывание здесь.

Складывая в сумку iPod и музыкальные колонки, я еще не подозревал, что в следующий раз, как включу дома Ника Кейва, тут же его выключу – его музыка, как ничто другое, с первых нот будет напоминать мне о времени, проведенном в этой больнице, и вообще о том, что со мной произошло.

Из дневника «НИКИ». 31 мая 2010 года.

Даже не знаю, где хуже – дома или в клинике. Решеток на окнах нет, да и строгих охранников с электрошоком у дери не видно, но все равно ощущение, что сидишь взаперти. Выписался два дня назад. Из дома ни разу не вышел, боясь увидеть кого-нибудь из старых знакомых. Да и к чему мне вообще куда-то выходить? Единственное для меня занятие сейчас – подготовка к ЕГЭ. Большое спасибо моему папе. Он устроил так, что сдавать экзамены буду не со своим классом, а с учениками другой школы. Не знаю, чего это ему стоило, но я безгранично благодарен ему за это. И еще благодарен ему за беговую дорожку, которая сейчас стоит в моей комнате. Это было одно из желаний, которое я высказал, находясь в больнице. Вторым желанием было, – но он его отклонил со словами «Нет. И это не обсуждается», – мой переезд в другой район. Ну и третье, о чем я попросил его, это найти мне хоть какую работу. Он сказал, что посмотрит, что с этим можно сделать.

Я в полном унынии. Хочется НЕ БЫТЬ.

Поиграть бы в баскетбол. Как поеду сдавать первый экзамен, посмотрю, что есть из площадок в том районе. Мне очень не хватает любимой игры. А еще не хватает общения. Хочу общаться, но кроме как с родителями, общаться не с кем. Через пару месяцев должен еще двоюродный брат приехать, но этого еще дожидаться надо. Это папин племянник. Ему 25 лет. Работает в филиале крупной компании, а сейчас его с повышением переводят в Москву. Видел его всего трижды, и он очень мне нравится. Он может африканским аборигенам продать песок, а эскимосам – снег. Он просто ас в продажах. Его клиенты и слова не успевают вставить, как, сами того не понимая, подписывают с ним контракт на пару десятков миллионов. Уболтать он может любого. Жду не дождусь, когда он придет. Во-первых, с ним безумно интересно, во-вторых – за счет компании он будет снимать квартиру, и в моих планах перебраться к нему жить. Тогда хоть смогу на улицу выходить без опасения, что столкнусь с кем-нибудь из прошлой жизни.

Вчера, впервые встав на беговую дорожку, включил Ника Кейва и Гриндерман, но не прошло и минуты, как сменил музыку.

Ник Кейв был основным автором саундтрека моей прошлой жизни, и я не могу оставаться спокойным, когда слушаю его.

Но ничего – у меня есть еще Reatomp, 30 seconds to mars, Mars Volta и другие интересные исполнители, которые я могу слушать беспрерывно.

Так что, пока Ник-дорогой мой-Кейв. Пока, до лучших времен.

Музыка для меня – это все. Без музыки я не могу. Если мне скажут, что на необитаемый остров я могу взять только одну вещь, я, не раздумывая, возьму свой iPod. Недавно на уроке биологии от скуки набросал на последней странице тетрадки текст, который очень удачно лег бы на хорошие минуса. И последней строчкой текста было: «И пока играет музыка в моем плеере, я буду жить».

Заметил, слишком много я пишу в свой дневник. Наверное, остальные люди все же меньше пишут. Причем, сейчас на бумагу мало кто выкладывает свои мысли – для этого в наше время все заводят «ЖЖ».

Только что сравнил себя с главным героем фильма «Дневник баскетболиста», Джиммом Кэрролом, которого блистательно сыграл Леонардо ди Каприо. Не знаю, какой мотив заводить дневник был у Джимма, а у меня – убить время, я пишу от скуки.

Звонить некому, не с кем поболтать, не с кем пойти поиграть в баскетбол, не с кем переписываться в инете. Сначала думал даже из социальных сетей свой аккаунт удалить, но передумал. Интересно будет заглянуть туда через пять лет и посмотреть, что за все это время мне писали, так сказать, друзья.

Папа нашел мне работу. В крупную известную компанию. Экономист-ассистент департамент по развитию. Папин друг начальник этого департамента. Обязанность одна – выполнение всевозможных поручений сотрудников департамента. Эти поручения требуют минимум умственных способностей и максимальную расположенность к рутинной работе. Проще говоря, быть мальчиком на побегушках. Сканировать, заполнять бланки, делать звонки, заказывать авиабилеты и гостиницы для командировок и всякая остальная ерунда. Знаю, что и дня не продержусь на этом поприще.

Вернувшись с собеседования, сказал папе: «Позвони своему другу и скажи, что я у него работать не буду». Как только пришел на собеседование, сразу возникла неприязнь к возможной будущей работе. Человек пятьдесят сидят стол к столу, даже без перегородок, как в аквариуме. Ужас. Даже не аквариум, а муравейник. И выполнять поручения этого планктона? – нет уж, увольте.

– А кем же ты хочешь тогда работать? У тебя ни образования, ни опыта – поверь, большего ты и не получишь.

– Пап, я же не из-за денег на работу хочу устроиться, а чтобы чем-то себя занять. Побывать шестеренкой в корпоративной машине я еще успею, а сейчас хочу что-нибудь по душе найти. – Ответил я и пошел к себе в комнату.

Каждое празднование моего дня рождения наводит на меня грусть. В день моего рождения я не думаю о том, что я с возрастом приобретаю, а наоборот – думаю о том, что теряю, взрослея: беззаботность, отстраненность от жестоких реалий жизни, веселые школьные каникулы, безграничность детской фантазии, чистая детская влюбленность, – этот список ежегодных потерь можно продолжать долго.

Сегодня мне «стукнуло» восемнадцать. И в мыслях я уже попрощался с той жизнью, когда меня ничего не заботило и не беспокоило, когда все проблемы можно было свалить на плечи родителей. Все это кончилось. Теперь только я в ответе за то, что я делаю.

– Что тебе подарить на совершеннолетие? – недели две назад папа спросил меня.

Папа стоял в дверном проеме, а я сидел за компьютером спиной к нему.

– Ничего. – Не раздумывая, ответил я.

– Ну, Боря, есть же что-нибудь, чего тебе сильно хотелось бы?

– Ты знаешь, что мне хочется и незачем спрашивать. – Конечно, я намекал на желание убраться в другую часть города. – Прости, если ответ грубо прозвучал.

Меня раздражает папина манера влезать ко мне в душу и показывать, что не прочь изменить в лучшую сторону мою нынешнюю незавидную жизнь. И я знаю, что для этого он готов исполнить каждое мое «хочу», конечно, в пределах разумного. Самолет я бы от него не получил, а вот машину могу просить свободно – сто процентов купит. Думаю, это была бы какая-нибудь поддержанная недорогая иномарка. Да, папа купил бы, надеюсь, что это принесет радости в мою жизнь, но не хочу обманывать его – ничего бы не изменилось. Я бы точно так же,

как и сейчас, проклинал бы свою жизнь и так же сидел бы часами за компьютером в интернете или готовился бы к вступительным экзаменам.

Единственное, что могло бы меня утешить – это переезд в другой район или... смерть. Другого не хотелось.

– Подарок для тебя уже есть, – продолжил Папа, – но это из того, что тебе нужно, а не...

– Чего?! – Разгорячился я и развернулся лицом к отцу. – Прошу все-таки не решать за меня, что мне нужно, а что нет. Мне нужно лишь одно, и ты это знаешь – свалить отсюда. – Тему смерти я опустил. Мы это уже обсуждали, и папа надеяться, что после того разговора я об этом перестал думать. – Да! К черту из этого района! Как можно дальше отсюда!

– Всему свое время.

В то время как я еле сдерживал себя, чтобы не накричать на него, у папы ни одна нотка в голосе не изменилась.

– Какое время? По-твоему, оно еще не наступило? Да неужели ты не видишь, как я живу здесь? И можно ли вообще это затворничество от всего и от всех назвать жизнью?! – Слезы отчаяния накатились на глаза, и я развернулся к компьютеру.

– Ты же говорил, знаешь, что делаешь. Помнишь, тогда в больнице?

Мне пришлось лишь промолчать. Нечего было на это ему ответить. Я знаю, что делаю, но не ожидал, что это одиночество будет морально так тяжело выносить.

– Не унывай – все будет хорошо. – Сказал папа и ушел.

Не унывай – все будет хорошо.

Не унывай – все будет хорошо.

Не унывай – все будет хорошо.

Не унывай – все будет хорошо.

Не унывай – все будет хорошо.

Не унывай – все будет хорошо.

...все будет хорошо.

...все будет хорошо.

...все будет хорошо.

...все будет хорошо.

...все будет хорошо.

...все будет хорошо.

Последние слова папы, перед тем как он с внешней стороны закрыл дверь, миллион раз пронеслись у меня в голове.

А хорошо могло бы быть и сейчас. Если бы у меня сейчас в руке был пистолет, все было бы как нельзя лучше.

Интересно, какая была бы первая мысль у родителей, когда бы увидели они размазанные по стенам мозги своего сына?

Я открыл свой дневник и начал писать:

*Когда на душе одиночество и пустота,
Когда ясный солнечный день – серость,
Когда уныние не проходит день ото дня,
Когда лирика и романтика – мерзость,*

*Когда этой точки не видно дна,
Когда от боли в груди хочется выть,
Когда все окружающее – ерунда,
Понимаешь, что больше нет смысла жить.*

И вот настало мое совершеннолетие. Проснувшись, целый час валялся в кровати, уткнувшись в потолок, с ужасом представляя, как я иду в ванну умыться, и мама наскакивает на меня с радостным криком, обнимает, целует... Сколько можно?! Не хочу и не буду вставать с постели. Хотел было включить радио, но передумал – родители поняли бы, что я уже не сплю и через какое-то время вошли бы уже, будучи не в силах ждать, чтобы поздравить меня. Как обычно размышлял, что жизнь моя ничтожна, и не знаю, сколько бы еще пролежал лежать, если бы папа не постучал в дверь.

– Борис, просыпайся. Слышишь? Уже двадцать минут первого. Вставай.

Но эти слова пронеслись как-то мимо меня. Я даже не посмотрел в сторону двери. И не посмотрел я в ту сторону даже десять минут спустя, когда дверь открылась, и периферическим зрением я заметил недовольное лицо отца.

– Ты вставать собираешься? У нас не так много времени. Даю тебе пятнадцать минут, чтобы ты стоял у двери готовый к выходу.

– К выходу куда? – Хотел я спросить, но на пороге комнаты уже никого не было.

Если папа говорит «надо», значит надо. Надо собираться и надеяться, что мы не в ресторан собираемся идти, хотя для ресторана что-то время раннее. Разозлить моего папу сложно, но возможно, и делать этого не советую.

Беспроводные наушники – лучшее изобретение человека. Можно находиться в доме и заниматься чем угодно, и все под музыку, не мешая ни родителям, ни соседям. Пробуждался и чистил зубы я под «A beautiful lie» 30 seconds to mars, а одевался под их же «Hurricane».

Проходя мимо моей комнаты, мама лишь зашла чмокнуть в щечку и сказать «С Днем Рождения, дорогой». И все. Наверное, тоже поняла, что сегодня я ступил на следующую ступень взросления – хватит этих нежностей, обнимашек, глупых пожеланий и другого проявления родительской ласки, будто мне все еще восемь лет.

– Первый экзамен у тебя послезавтра, а до конца каникул осталось еще полтора месяца. Может, махнуть тебе в Египет, Турцию, Эмираты или еще куда-нибудь, Хорватию, например, или на Кипр? – спросил папа ведя меня в неизвестное пока что мне место.

– Нет, пап. Спасибо. Не стоит. И если мы сейчас с тобой идем в туристическое агентство, типа ты решил мне в виде подарка отдых на море организовать, то лучше прямо сейчас развернемся домой.

– Мы идем не в туристическое агентство, но об отдыхе ты подумай. До новогодних праздников никуда не съездишь. А может и вообще только в феврале в каникулы будет такая возможность.

Я не стал в ответ ничего комментировать.

Хорошо, что мы идем куда-то, а не на машине едем – значит, не так далеко. А папе только повод дай пешком лишний раз пройтись – никогда не откажется.

Если честно, мне уже надоело ощущать на себе это желание родителей улучшить мое жалкое существование. И сейчас, когда мы идем непонятно куда, папа в очередной раз завел эту пластинку, думая, что отдых на море пошел бы мне на пользу.

– Пап, у меня к тебе такой вопрос – а куда мы идем?

– Решить одну твою проблему.

– Мою проблему? – надеюсь, он не к психиатру меня ведет. – Мы идем посмотреть квартиру для переезда?

А кто знает, что у папы в голове? Может, я угадал.

– Нет, сын. Другую проблему. И это, должен сказать, еще и моя проблема тоже.

– Блин, ты можешь...

На тебе подзатыльник!

– Не в деревне, следи за языком. Я тебе еще пару минут назад «типа» простил. Еще раз повторяю – у моего сына не должны быть такие слова в лексиконе.

- Прости. Но ты расскажи, куда это мы потащились в мой день рождения.
- Вот именно. Сегодня у тебя день рождения, и мы идем тебе за подарком.
- Ты же говорил о какой-то проблеме.
- Идти еще две минуты. Придем, узнаешь.

И через эти две минуты передо мной открылась дверь в Военкомат.

Впервые за несколько недель в моей жизни произошло что-то поистине значительное. У меня действительно поднялось настроение. Я лишь, где следовало, поставил свою подпись, и теперь, когда мы с папой шли домой, у меня в заднем кармане лежал военный билет. Для полного счастья осталось поступить в институт. Что будет для папы сюрпризом.

Еще летом перед одиннадцатым классом папа поинтересовался, в какой ВУЗ я собираюсь поступать и нет ли у меня желания пойти в МГИМО. Я знал, что в Институте международных отношений, если папа замолвит за меня словечко, мне не составит труда стать студентом. Не то, что я был горд, просто хотел показать родителям, что проживу в этом мире и без их помощи, что я уже самостоятелен и сам буду пробиваться через жизненные трудности, поэтому решил поступать в этот МГИМО своими силами. Раньше я еще и друзьям хотел показать, что в любой престижный ВУЗ на бесплатное отделение поступить можно без взяток и блата. Но сейчас это позерство перед кем-то меня уже не волнует.

Восемь утра. Через час ехать на работу. Все же двух дней мне хватило, чтобы возненавидеть ее, а два дня выходных показались мне отдыхом лучшим, чем две недели на курорте на море.

С успехом поступив в институт, на следующий же день после зачисления начал ездить по собеседованиям в поисках работы. Две недели я безуспешно пытался стать продавцом в магазине электроники, консультантом в салоне мобильных телефонов, ассистентом в продюсерском центре, торговым представителем. Я искал любую работу, которая не подразумевает просиживание штанов с понедельника по пятницу с девяти до шести. К отцу за помощью в поиске работы не обращался – он ясно дал мне понять, что эта идея ему не нравится. И вот только к концу июля нашел ее – долгожданную работу. Устроился уже было в элитный ресторан помощником повара, но в первый рабочий день, только успел зайти, мне выдали черную рубашку и сообщили, что я буду помощником бармена. Если не хочу – могу развернуться и уходить. Но я согласился. Конечно, натирать до блеска бокалы, нарезать фрукты, делать свежавыжатые соки, бегать постоянно на склад, следить за наличием всего необходимого в баре, протирать барную стойку, таскать с мойки мытую посуду – это не верх моих способностей, да и никаких других эмоций, кроме отвращения, эта работа у меня не вызывала, но все же это была работа, на которой я мог проводить время, надеюсь, что с пользой, а не убивать его, сидя дома или в офисе.

До того, как устроиться на работу, я только и занимался, что смотрел фильмы и сериалы, читал книги, бегал на беговой дорожке и эллипсоидном тренажере. Несколько раз сходил с родителями в ресторан, а больше не выходил из дома, кроме как в кинотеатр сходил однажды, но все же боязнь и нежелание встречи с кем-то из знакомых мне лиц заставляет сидеть меня в четырех стенах. В личном дневнике последняя запись датирована днем сдачи последнего ЕГЭ – настолько пустое уничтожение времени, что нет даже эмоций, которые можно было бы описать на бумаге.

Войдя на кухню, к моему удивлению обнаружил, что папа не спал – он сидел на кухне. Обычно он просыпается только в девять утра, если на работе нет срочных дел, но тогда его дома в такое время не бывает уже. У него иногда бывает бессонница, но в этом случае он целую ночь смотрит киноклассику, а сейчас телевизор выключен, и папа сидит перед пустой чашкой.

Не знаю, что у него стряслось, но этот момент был как нельзя кстати, чтобы известить его о том, что я поступил в МГИМО, а не в Плешку, как он с мамой думают.

– Доброе утро, – сказал я, включив чайник, который после нажатия на кнопку загорелся зеленым светом.

– Доброе. Чайник горячий – недавно кипел.

– Угу, – вырвалось у меня, и я заварил себе зеленый чай. – Недавно проснулся?

– Примерно час назад.

– Вид у тебя тревожный.

– Ты доволен своей работой?

– Если честно, нет. Но об этом мы уже два раза говорили, и я знаю, что ты хочешь, чтобы я ушел из этого ресторана, и, по-твоему, это чистой воды эксплуатация. Но я останусь там и не хочу возобновлять этот разговор.

– Я действительно не хочу, чтобы ты там работал. И нигде вообще. У тебя учеба должна быть на первом месте. – После некоторой паузы, поняв, что я ничего ему на это говорить не собираюсь, продолжил. – Но не из-за этого я плохо спал. Мне хотелось поговорить о своей работе.

– Только не говори, что тебя уволили – это невозможно.

– Это возможно, но у меня сейчас другое положение. Абсолютно противоположное. Мне предложили место в посольстве Франции.

– Неужели тебе нужен мой совет?! Соглашайся, не думая.

– В таких вещах я ни у кого не прошу совета, а все решаю сам. Но иногда мне нужно согласие семьи. Мама обеими руками «за».

– Я тоже не против. О чем речь вообще?!

– Все не так просто. Я уже сказал, что согласен занять место, но мне же придется уехать минимум на два года.

– И? – я не понимал, что его так беспокоит.

– Ты поедешь? – после минутной выдержки с надеждой на согласие спросил он.

Теперь понятно, что его мучило. Он и без моего ответа знал, что я откажусь. И, видно, мысль, что они оставят своего сына, по их мнению не готового к самостоятельной жизни совсем одного, не давала ему никакого покоя. Это можно понять. Уверен, всякому небезразлична жизнь своего ребенка, и оставлять его один на один с взрослой жизнью – не легкий поступок.

– Нет, – без промедления последовал мой ответ. И не разу за всю жизнь я не пожалел, что сказал это.

– Ты можешь там учиться. – Его тон выдавал уверенность в том, что я все равно откажусь, как бы он меня не уговаривал.

– Не тянет меня что-то к этим «лягушатникам», – с улыбкой сказал я.

– С сентября я уже начинаю работать там. У тебя еще есть время подумать.

– Нет, правда, мне и здесь неплохо.

– А вот мама готова уже сейчас собрать чемоданы. Она весь всегда хотела уехать из этой страны. Говорит, жаль, что только на два года.

На это у меня не нашлось чего сказать, и папа продолжил:

– На прошлой неделе в одну из ночей, когда никак не мог заснуть, я посмотрел два фильма. Первый о том, как молодая пара хочет уехать из Штатов в Гоа, а во втором один парень весь фильм только и хочет, что из Англии выехать куда-нибудь.

– Хорошо там, где нас нет. Не буду говорить, что в России все хорошо, но меня и здесь устраивает.

– Ладно. Тогда скажу маме, что ты остаешься.

– Да. И пусть она не лезет ко мне на счет этого. Будет как всегда: «Ну, может, все же поедешь? Может, передумаешь? Там будет лучше». Ну, и тому подобное. Скажи, что я не еду, и это окончательно решение.

– Скажу. Я пойду, прилягу. Может, еще получится на часик вздремнуть.

– Подожди. Я хотел сказать кое-что. – Не пойму почему, но как начал говорить, я почувствовал угрызение совести. – Я не поступил в ГУУ. И даже не пытался туда поступить.

– Я знаю, – спокойно ответил папа, – МГИМО тоже хороший выбор.

Несколько секунд я удивленно смотрел на его ухмыляющееся лицо, и мы синхронно засмеялись в голос.

– Откуда... как..., – начал бормотать я.

– Почти сразу, как ты подал туда документы, мне позвонил знакомый профессор поинтересоваться, не мой ли ты сын, или это лишь совпадение фамилии и отчества. Но не волнуйся, я не прикладывал ни малейших усилий для твоего поступления. Ты молодец, Боря. – Он встал, похлопал меня по плечу, а перед уходом сказал. – Спасибо, что у меня есть повод гордиться своим сыном.

Переполненный положительными эмоциями я решил до работы еще двадцать минут побегать.

Вчерашний день изменил все мое представление о работе бармена. Если раньше я думал, что, отработав на нынешнем месте, больше никогда не займусь чем-то подобным, что не хочу быть прислугой у богатых господ, то сейчас мое мнение об этой профессии совсем другое.

Наши работодатели платят нам смешные деньги, а вот гости взамен на хорошее настроение готовы давать гораздо больше. И помимо чаевых получаешь чувство удовлетворенности от работы, понимаешь, что не зря проснулся и в душном метро поехал на работу. С материальным вознаграждением от гостя получаешь еще и убежденность, что ты кому-то нужен. И я определенно знаю, что, как только уйду из этого ресторана, набравшись опыта, буду искать другое заведение, чтобы обязательно с контактной барной стойкой, в котором буду работать и дарить посетителям хорошее настроение.

До вчерашнего дня я был мальчиком на побегушках. Кроме как заварить чай или приготовить кофе, мне больше ничего не было позволено из реальной работы бармена (хоть и выучил всю рецептуру коктейлей). Ну, иногда, в моменты большой загрузки гостей, я еще и наливал крепкие алкогольные напитки. Мне была ненавистна эта работа, и я ждал с нетерпением окончания лета, чтобы придти к папе и сказать «Ты прав – учеба важнее». Он бы с радостью принял новость о прекращении моего, как он думает, рабства но придется лишиться его такого удовольствия – его сын будет продолжать работать и, что главное, получать от работы удовольствия.

Вчера я взглянул на эту профессию по-другому. Точнее, мне ее показали с другой стороны.

В начале недели посетителей в ресторане не так много, а если сказать правильно, совсем мало – до вечера пара столов только занятых. Да еще и погода ветреная и пасмурная – вечером желающих поужинать на летней террасе, из-за которой и приходили почти все посетители в наш ресторан, было намного меньше обычного.

Работали бармен Сергей и помощник, то есть я. В середине дня к Сергею пришла его девушка, и они уже целый час стояли на лестнице служебного помещения. Как раз в это время все и произошло. В ресторан пришел один видный чиновник с женой заказывать банкет. Обсудив все с менеджером, гости ждали, пока он сидел в офисе и оформлял заявку на проведение мероприятия. Чтобы как-то скоротать время ожидания, эти двое направились ко мне. Так как барная стойка была не контактная, стульев за ней не было, и гостям пришлось стоять. Один из официантов, забеспокоившись о том, что я, возможно, не смогу качественно их обслужить, побежал за барменом и встрял в ссору Сергея со своей барышней. На предложение официанта, не хочет ли он вернуться за рабочее место, Сергей злобно послал его, сказав «Там есть Ник, он уже все умеет, он справится», и продолжил выяснение отношений с девушкой.

– Добрый день, – сказал я своим гостям (надеюсь, что без видимой тревоги).

– Здравствуйте, – с улыбкой ответила женщина, положив сумочку на стойку.

– Добрый, – ответил мужчина.

– Выпьете что-нибудь? – спросил я, полный надежд, что они закажут минеральной воды, а я тогда спрошу «Какую предпочитаете, с газом или без?», на что мне ответят... Да, все равно, что они ответят. Я дам им воды, и на этом все пусть кончится.

– Да, выпьем. – «По ящику он выглядит совсем другим», – подумал я. – Сделай нам, пожалуйста, по «Маргарите».

– Мне клубничную. С ледяной горкой.

– Даме клубничную.

– И можно у Вас пепельницу попросить? – спросила она, доставая сигарету, и я поставил перед ней пепельницу и поднес к сигарете зажигалку. – Спасибо.

Теоретически я знал всю коктейльную карту, но на практике я в жизни не делал ни одного коктейля. Попытался собраться мыслями, но кроме как о том, как бы не облажаться, ни о чем думать не мог. Трясущимися руками приготовил бокалы. Теперь надо вспомнить, чего и сколько надо лить. «Соберись, тряпка» – приказывал я сам себе. Сначала надо сделать «Клубничную Маргариту», все же девушкам надо делать в первую очередь. В блендер засыпал льда, бросил клубники и влил нужные компоненты. «А руки-то трясутся. Соберись, я сказал!» Первые коктейль готов. Сказав «прошу», подал его девушке. Затем, я сделал второй.

Гости смаковали коктейли, а я, вспомнив правило, что если бармен стоит без работы, то или он лентяй или уже пьян (у бармена всегда есть работа), принялся натирать бокалы. «Бармен должен не только как робот выполнять заказы, а еще и быть хорошим собеседником», – как-то сказал мне директор, но сейчас эта пара обсуждала что-то между собой и лезть к ним с вопросами «ни о чем», чтобы найти тему для обсуждения, было бы лишним.

Менеджер принес копию заявки заказчикам, и перед уходом, когда гардеробщик помогал женщине одеться, мужчина с улыбкой, покручивая пустой бокал за ножку, сказал мне:

– Это, видимо, была очень вкусная «Маргарита». Очень редко моя жена не ворчит, что бармен безрукий осел – то алкоголь один, то водянистая, то сплошной лед, или еще что не так.

– Спасибо, – ответил я на это, – мне очень приятно это слышать.

– Думаю, ты много добьешься на этом поприще. Я даже уверен в этом. Главное, не опускай руки.

– Спасибо, – еще раз сказал я – больше ничего не нашел что ответить на это.

– Спасибо, до свидания, – сказала его жена, уходя.

– Счастливо. Удачи тебе, – он положил мне на стойку бумажку и пошел за женой.

Пятьдесят долларов. Он оставил мне пятьдесят долларов! Это четверть моей зарплаты! Это он не за выпивку заплатил, а именно так он оценил мою работу! Конечно же, я убрал банкноту в карман и ничего не сказал Сергею. Бармены давали мне всего десять процентов от суммы, что им дают официанты, и эти пятьдесят баксов я имею полное право оставить себе.

И даже если бы он оставил сто рублей – дело не в деньгах. Эти двое благодарны мне за то, что я сделал все красиво (во всех смыслах этого слова), сделал так, чтобы им было приятным ожидание менеджера.

На следующей неделе он снова пришел – отмечать день рождения супруги, – и все: менеджер, оба бармена и официанты – все, кто видел, рты раскрыли, когда он подошел к стойке, увидев меня, чтобы пожать руку и спросить, как у меня дела.

Прокручивая в голове все прелести работы бармена, я ехал в пивной ресторан, который находится недалеко от папиной работы. Папа позвонил мне и сказал, чтобы я подъезжал – у него есть ко мне разговор, который вечера не подождет. Как бы мне не хотелось выходить из дома, я поехал.

В этом месте я не в первый раз и сел за столик, за которым мы обычно сидим с папой. Ждать его пришлось пятнадцать минут.

- Что же ты мне не позвонил сказать, что ты уже приехал? – спросил он, присаживаясь.
- Когда ты позвонил и сказал, чтобы я сюда приезжал, думал, что ты уже здесь.
- Мы заказали по кружке пива и тарелку немецких колбасок.
- Ни от каких дел не отвлек тебя, позвав сюда?
- Нет. Ты же знаешь, что мне только повод дай свалить куда-нибудь в выходной, – с лишней издевкой ответил я.
- Как раз об этом я и хочу с тобой поговорить.
- А я об этом не хочу.
- Ты меня не понял. Я не собираюсь упрекать тебя в том, что ты не общаешься со своими бывшими друзьями и избегаешь встречи с ними. Наоборот, хочу предложить один вариант.
- И что такого, что не могло дожждаться твоего возвращения с работы?
- У тебя сейчас два дня выходных, которые ты проведешь не дома за телевизором и компьютером.
- И какими делами ты меня нагрузишь?
- В следующий четверг мы с мамой улетаем во Францию...
- Знаю.
- Не перебивай. Во-первых, я не люблю, когда меня перебивают, и, во-вторых, у меня сейчас мало времени. Так вот, мы улетаем, а тебе здесь на что-то надо будет жить. Само собой, твоей зарплаты тебе не хватит. Только не подумай, что мы от тебя отказываемся из-за того, что ты не согласился с нами лететь. Если откажешься от моего предложения, я буду высылать тебе деньги, но уверен, ты согласишься. – Он внимательно посмотрел на меня и продолжил. – Думаю, квартиры с четырьмя комнатами тебе будет многовато, согласен?
- Согласен.
- Я помозговал и подумал, что если нашу квартиру сдавать, а ты будешь снимать «однушку», денег тебе хватит, даже более чем.
- Он был прав, что я не откажусь. Эта затея мне очень нравилась, и я дожждаться не могу, когда съеду.
- Тут даже вопросов нет, – сказал я, – конечно, я согласен.
- Я так и думал. Поэтому нашел тех, кто ее снимет, а тебе остается только найти квартиру для съема и открыть счет в банке.
- Зачем мне счет в банке, – не понял я.
- Снимать у нас квартиру будет одно рекламное агентство для своих компьютерных дизайнеров, их трое. Платят хорошо. До следующего четверга они оплатят сразу до конца года, а до конца ноября – еще за полгода. И деньги поступят на твой счет. Знаю, что ты парень не дурак и сразу все тратить не будешь. И будет лучше, если деньги за твою съемную квартиру ты также оплатишь вперед за несколько месяцев, но не сразу – может, тебе там не понравится, и ты снимешь другую. Если, не дай Бог, что случится, и тебе понадобятся еще деньги, я их тебе переведу. Так что завтра же иди в банк открывать себе счет. Лучше в тот же банк, что и у меня.
- Хорошо.
- И с сегодняшнего дня ищи квартиру. Вот визитка риелтора.
- Отлично! Теперь мне не придется, возвращаясь поздно вечером с работы или направляясь по каким-нибудь делам, обходить места, где я мог бы встретить кого-нибудь из знакомых и проклинать эти «два через два» выходные, которые, как сказал папа, я просиживаю за компьютером и за телевизором, просматривая фильм за фильмом.

III

Из дневника «НИКИ». 31 августа 2010 года.

Я готов кричать и вопить от радости. Если бы умел, сделал бы сальто назад. И дело не в том, что уже второй день как живу отдельно от родителей самостоятельной жизнью. Эти мысли наоборот, к удивлению, наводят к грустным мыслям – родители завтра улетают во Францию, и я буду сильно по ним скучать, хотя и не признаюсь им в лицо, как мне будет их не хватать. Еще не хватало, чтоб они подумали, что я один не справлюсь.

Так вот, о моей радости. Вчера после смены бармен Сергей подходит ко мне и говорит: «Мы собираемся пива пойти попить. Ты как, с нами?».

То, что было дальше это не важно – посидели в парке бармены, официанты и некоторые повара, болтали до половины ночи, а официантка Таня предпринимала даже попытки пообщаться со мной, в ответ на что я только стеснительно мямлил, боясь показаться идиотом, хотя, уверен, именно таким я был в итоге в ее глазах. Важен сам факт того, что они меня позвали. До этого я молча выполнял свою работу и был отбит от коллектива, а сейчас выходит, что я для них не «тот, что посуду таскает», а член коллектива. Они считают меня своим!

Не так уж тут плохо. Восемь дней прошло с момента переезда, а адаптировался, будто месяц живу. Но жить одному оказалось не так просто, как думал. Конечно, хорошо, что тебя никто не контролирует и сам себе подчинен, но, все же, нужно еще и следить за хозяйством. Вчера я ездил на собеседование в один бар (сказали, что позвонят, но я знаю, что не дождусь от них звонка), так перед выходом обнаружил, что у меня нет ни одной пары чистых носок, и пришлось на босую ногу надеть кроссовки и идти в магазин за ними. А сегодня утром, когда уже загрузил грязным бельем стиральную машину, увидел, что нет еще и стирального порошка. Я еще ничего не стирал в этой квартире, поэтому и не покупал его. Так что первая сложность, когда начинаешь самостоятельную жизнь, это следить за тем, чтобы дома всегда были всякие мелочи – стиральный порошок, зубная паста, туалетная бумага, запасные лампочки, средство для мытья посуды, а также соль и сахар. А с питанием это вторая сложность – купить ее не проблема, но вот готовить научиться надо, так как знаю, что на сосисках, пельменях, пицце и другой еде быстрого приготовления долго не протяну.

Молодежи в районе много, и я даже выходил поиграть с ребятами в баскетбол. Правда, лишь один раз – спустя два дня после приезда, а после этого ни разу свои баскетбольные кроссовки не надел.

Моя карьера бармена идет в гору. Если еще меньше двух месяцев назад устраивался на свою первую работу помощником бармена, то с завтрашнего дня я полноценный бармен в одном из лучших баров столицы. Думал, собеседование пройдет неуспешно после слов барменеджера Александра «Опыт всего два месяца?» (а разве ты не посмотрел мое резюме, перед тем как позвать на собеседование?), но его впечатлило мое отличное знание технологии приготовления коктейлей. В итоге, я услышал: «Приходи завтра вечером к шести. Посмотрим, что умеешь».

На нынешней работе я с руководством еще пару недель назад договорился, что как найду новую работу, увольняюсь одним днем. Они, конечно же, не против – сейчас им больше нужен помощник бармена на полставки, а на такую работу найти им на это какого-нибудь студента не составит проблем.

В какой-то степени грустно бросать такой коллектив. Они были очень доброжелательны ко мне. Особенно со своим наставником Сергеем сблизился – он обучил меня всему необхо-

димому, что обязательно пригодится мне в работе в дальнейшем (и не только, как работать руками, но и как общаться с клиентами). Хотя кого-то выделять было бы неправильным – я со всеми поддерживал хорошие рабочие отношения.

– Еще увидимся, друг. – Сказал Сергей на прощание и с улыбкой обнял меня. – Не забывай учителя.

– Конечно, увидимся.

На работе отношения строятся по обстоятельствам. У таких знакомств продолжение отношений маловероятно, как только эти обстоятельства меняются. Но время покажет, что будет дальше, и увижу ли я вообще кого из уже бывших коллег.

Наверное, будь я активным пользователем социальных сетей, я бы общался дальше с бывшими коллегами хотя бы онлайн. Но для чего? Если вне работы мы говорим в основном о работе, то о чем можно говорить, когда вы уже не коллеги? Мы будем добавлены в друзья один у другого, да и раз в год будем писать «С днем рождения!». Все. Мы сдружились из-за того, что нас столкнули обстоятельства, а не интересы и взгляды.

И пусть я ни разу не обмолвлюсь и словом ни с кем с этой работы до конца своей жизни, но буду вечно благодарен каждому из них за то, что я больше не застенчивый подросток, придерживающийся правила «Не говорит глупости тот, кто молчит», не теряющий дара речи при обращении к нему симпатичной девушки, а уверенный в себе полноценный член коллектива. Раньше стоило мне рот открыть, как парни надо мной начинали смеяться, а девушки скучали, но сейчас я способен провести с мужской частью своих знакомых интересную беседу (а не только говорить о спорте), а с женской – увлечь их разговором. Я попал в среду, где меня заставляли общаться, и где нельзя выставлять себя идиотом.

Однажды, после коллективного рабочего собрания, мы с Сергеем сидели в баре. Было послеобеденное время, и мы позволили себе «пропустить по стаканчику». Ничто не предвещало беды, разговор зашел у нас о девушках. Не стал я скрывать от него своих комплексов и выложил как есть.

– Ты что? С дуба рухнул? Если ничего не поменяешь, то спасение у тебя одно – ждать, пока кто-нибудь сама в тебя влюбится и накрепко возьмет дело в свои руки. Как понимаешь, шансы на такое минимальны.

– Сергей, ничего не могу с собой поделать. Я боюсь показаться придурком и теряюсь в мыслях, что же надо сказать...

– И тогда в ее глазах ты становишься еще большим придурком, чем ты боишься показаться ей. Главное, помни одно – попытавшись, ты ничего не теряешь. – Он огляделся на другие столики в баре. – Смотри, видишь ту в синей кофте, что в телефоне копается несколько минут?

– Ну?

– Что «Ну»? Подойди к ней!

– Вот так просто подойти? – растерялся я.

– А что? Время четыре часа дня. Девушка сидит в баре, растягивает на полчаса бокал вина и от скуки уже весь интернет прочесала через телефон. Сто процентов, что она время убивает. Иди! – Сергей стукнул меня по плечу.

Через минуту я уже вернулся.

– И что ты вернулся? – спросил Сергей.

– Она сказала, чтоб я за милую даже не приближался к ней.

– Ты сразу предложил ей поехать домой? – рассмеялся он.

– Нет. Я лишь предложил угостить ее чем-нибудь выпить.

– Сразу?

– Да.

– Я в шоке! Ха! Ну, ты и мудака! Правда! Как только захочешь посмотреть на мудака, взгляни в зеркало! – он закурил. – Пришла девушка от нечего делать время убить. Сидит,

никого не трогает. Тут подкатывает не пойми чего за фрукт, который минимум полчаса торчит со своим другом в этом баре, и предлагает ей выпить. Прямо сходу. Как думаешь, какая первая мысль у нее пронеслась? Правильно: «Он долго искал жертву и вот он выбрал меня». В ночном клубе так, может, прокатило бы, а в этой ситуации – не правильный подход. – И после паузы, поняв, что мне нечего на это ответить, произнес. – Ладно, надо счет просить и по домам.

– Скажи, Серег, вот что делать? Приведи пример. Даже не в этой ситуации. А, к примеру, сию дома и думаю поехать подцепить девушку.

– Эх. – Сергей на некоторое время задумался, отведя взгляд. – Смотри. Пятница, вечер. Попсовый недорогой ресторан или кафе. Настолько попсовый, что бронь они не принимают, и людям приходится минимум полчаса ждать столика. Приходишь туда с другом, заказываете стол на четверых. Дождавшись у барной стойки столика, садитесь за него. И очень важно – стол должен быть в курящем зале, так как вам нужны девахи из той породы, что не просто так пришли покушать, а те, кто разгоняется перед клубом. Подходите к хостесс и узнаете от нее – я за это даже денег никогда не давал – кто из девушек только пришел и ждет стол на двоих. А дальше просто – предлагаете девушкам к вам присоединиться, типа как вас должно было быть четверо, но двое вдруг не пришли, а вы такие любезные, что не хотите, чтобы такие милые девушки томились в ожидании. Потом все зависит только от вас и от умения садиться на уши.

У нас еще много было разговоров на тему пикапа, и два правила я уяснил четко: не молчать и не быть занудой.

«А если честно, не стоит вообще замарачиваться по поводу девчонок», – именно так я бы сказал Сергею, если бы наш разговор состоялся сейчас, спустя две недели, после второго же своего рабочего дня на новом месте. Тогда я прописал для себя еще одно правило: не получилось с одной – получится с другой. Ведь их, желающих лишь секса, а не долгих серьезных отношений, много вокруг, очень много.

Как бы я себя не готовил к новому коллективу и новой обстановке, все равно чувствую себя не в своей тарелке. Коллеги-бармены хоть и приняли меня дружелюбно, но к клиентам за барной стойкой пока не подпускали, и мне было поручено обслуживать заказы официантов. А официанты совсем не были рады появлению нового бармена – все ждали какой-либо ошибки с моей стороны, а это напрямую отразилось бы на их чаевых. Но, уверен, я справлюсь, и со временем стану для них «своим». Да и радует тот факт, что чаевые бара старший бармен разделил на всех поровну, что я воспринял как удовлетворенность им моей работой.

Второй рабочий день в баре, где доза пафоса и гламура на один квадратный метр многократно превышает всяческие допустимые нормы, нам – обслуживающему персоналу – «посчастливилось» трудиться на корпоративе известной айти компании, а слово «корпоратив» часто ассоциируется со словом «безвозмездно», так как многие заказчики «в штыхы» воспринимают статью заказа «Обслуживание» размером в 10% от счета, и клиентам руководство все равно не отказывает – им главное, чтобы предварительная сумма заказа не была ниже установленных рамок. Но мы, бармены, все равно не остались в накладе – как только заказчик привез свой алкоголь, мы тут же присвоили несколько бутылок для себя.

Практически сразу после окончания официальной части корпоратива, когда публика начала отплясывать под музыку известного диджея, который прилетел в Москву ради этого выступления из Лондона, ко мне за стаканом воды подошла PR-менеджер гуляющей компании. Потом еще раз подошла за водой. И еще несколько раз. Потом за зеленым чаем. (Только спустя где-то месяц я понял, что она закинулась амфетаминами или еще чем, что и вызывало непомерную жажду).

После разговоров о баре, музыке, ее работодателе и обмене именами (ее зовут Вика), я, наконец, спросил, почему она не пьет алкоголь.

Уйдя от ответа, она завернула разговор на тему хобби, перспектив, отдыхе и других вещах, помогающих поддерживать разговор «ни о чем».

– Хочешь, я останусь подождать, пока ты не закончишь работу? – спросила Вика, когда стало понятно, что примерно через полчаса мероприятие закончится. – Сходим куда-нибудь.

Я опешил. Само собой, я согласился и стал с нетерпением дожидаться окончания смены. Но чем невыносимей медленно двигалось время, тем страшнее становилось мне на душе. Какие у нее планы на меня? Что ей нужно? Чего она ждет? Как мне себя вести? Чем это закончится? Не оплошаю ли я?

Тысяча тысяч вопросов крутилось в моей голове, и появление каждого из них сколько подтверждало, столько же и преумножало неуверенность в себе.

Когда все уже разошлись, когда официанты готовили зал к следующей смене, когда свет был на полную включен, и было видно, в какую помойку превратился пафоснейший столичный бар, когда музыка уже выключилась и были слышны обсуждения официантами этого мероприятия – уроды заказчики, мудаки гости, сука начальница, – когда охрана попросил всех гостей покинуть заведение – мне пришлось минут пять уговаривать старшего охранника разрешить этой девушке остаться у стойки. Я сказал Вике, что через пять минут буду готов к выходу, и отправился в туалет – мне необходимо было побыть одному, собраться мыслями.

Первое, куда мы поехали, было круглосуточное модное кафе, где в пять утра никого не было, и мы были единственными гостями. Я что-то рассказывал ей, как почувствовал ее руку на своем бедре, а на мой удивленный взгляд она ответила ярким поцелуем. После двух двойных Лонг-Айленд и полчаса поцелуев мы отправились в бильярдную, где несколько ее коллег решили продолжить корпоратив.

Но в бильярдной мы пробыли еще меньше – минут через пятнадцать она пожаловалась, что ей скучно, и вообще – хотела бы побыть со мной вдвоем.

Конечно же, это забота мужчины, решать вопрос, куда вести девушку.

«Какой же он придурок! Я ясно дала ему понять, что у нас будет секс, что я не против секса, что я вообще хочу секса с ним! Сколько ему надо еще времени, чтобы он понял?! Я уже довольно сделала шагов со своей стороны, пора бы уже ему взять дело в свои руки!», – спорим, что именно такие мысли крутились в ее голове? Вот я сидел рядом и будто мысли читал. Я и так был скован в действиях и нерешительности, так еще информация, что она на четыре года меня старше, разнесло остатки моего мужества и уверенности в себе.

– Поехали. – Смущенно произнес я, взял ее за руку, поднял с дивана и повел к выходу.

Некоторое время назад один коллега дал мне визитку почасовой гостиницы, уверяя, что это лучшее место для секса на одну ночь, когда все остальные варианты стали не вариантами. С тех пор эта визитка лежала у меня в обложке паспорта, но я ее ни разу оттуда не вынимал. «Можно же было ее к себе домой отвести, там ведь нет никого», – сказал бы кто-нибудь. У меня была такая мысль, но именно понимание того, что это на одну ночь, искоренило во мне ее.

– А у тебя есть презервативы? – шепнула она мне в такси.

Она даже не спросила, куда я ее везу, но ей очень интересно в первую очередь безопасность секса.

К гадалке не ходи, чтобы с первой попытки узнать, что их при мне не было. Пришлось останавливаться у круглосуточного продуктового магазина.

– Ты трясешься как банный лист, неужели я такая страшная? – игриво спросила она в кровати, когда мы оба были уже голые.

– Не, – и после некоторой паузы добавил. – Но я боюсь. Главное, боюсь разочаровать тебя. Это у меня всего второй раз. – И начал я врать. – Встречался с девушкой два года, и после первого же раза мы разошлись – было не по себе узнать, что она уже не девственница, когда столько времени только этим и отговаривалась на любые мои попытки.

– Бедненький, – она погладила меня по голове, а второй рукой крепко схватило мое давно уже готовое к битве мужское достоинство.

– Уверен, я ей нужен был лишь...

– Успокойся. И помолчи. – Она приложила палец к моим губам и начала поцелуями опускать все ниже...

– Дай мне свой номер телефона. – Сказал я, когда машина уже остановилась у указанного места. Мне нужно было выходить, а Вике домой дальше ехать.

Я до последнего думал, надо ли мне просить ее номер и говорить на прощанье «Я тебе позвоню» (в то время как она понимает, что 99 парней из 100 не выполняет этого обещания). Даже решил, что не стоит, но не удержался – что-то во мне кричало желанием встретиться с ней еще раз.

Она не отказала мне и продиктовала эти десять цифр.

Три дня хожу как зомби. Ем, сплю, работаю, общаюсь – все делаю на автомате. После ночи (а точнее – утра) с Викой прошло шесть дней. Я выжидал три дня, как принято считать правильным, – очень долгих три дня. А потом еще столько же набирался смелости.

Понимая, что не могу уже контролировать себя (думаю, в этот момент я понимал, что чувствуют наркоманы во время ломки) и ждать больше – уже и так три дня только с этой мыслью и провел – набрал ее номер.

Я готовил речь, которую должен был произнести ей, но как только она ответила на звонок, ком подошел к горлу, и я был не в состоянии произнести хоть что-то.

Как идиот пролепетал что-то невнятное, пригласил в итоге в кино сходить. Она согласилась. Мое тогдашнее настроение имело эффект водородной бомбы, но, как позже оказалось, взрыв оптимизма был напрасным.

Мы лишь посмотрели фильм, немного прогулялись, и она уехала, сказав напоследок: «Ты очень хороший мальчик». Я прекрасно понял подтекст ее слов. И опустошило меня не огорчение оттого, что ни то, что секса, а даже поцелуев не было. Сама мысль, что это был «секс на одну ночь», и большего с ней при всем желании у меня не будет, не могла не ударить по моей психике.

Но вчера вечером я обратился к психиатру, и она сказала, что я здоров, и переживать ни к чему. Психиатром я только что назвал девушку, с которой познакомился вчера в баре, куда я заглянул после рабочей смены. Она скучала у барной стойки, выпивала и курила. В одиночестве. Минут пятнадцать я молча попивал свой бурбон, а потом с барменом завел разговор о путешествиях, предугадывая, что ей эта тема тоже будет интересной. Оно так и оказалось – она втянулась в разговор.

Потом пригласил ее съездить покурить кальян, сказав, что знаю заведение, в котором делают самые лучшие кальяны в городе, а сам кальянный зал заставляет рот открыть от восхищения.

Расплатившись за кальян и две бутылки шампанского я понял, что денег у меня осталось лишь на такси туда(сам не знаю куда)-обратно(домой). А «туда» мы уж точно поедем – наши страстные поцелуи на диванах начались еще до опустошения второй бутылки игристого. Но пришлось еще сто рублей отвалить на проходной в ее общежитии, чтобы меня пропустили.

Когда мы на веселее шли, шатаясь от стены к стене, по пути от лифта к комнате (я готов был уже в лифте оголиться и разорвать одежду на ней, после чего, словно животное, накинуться на нее), я поинтересовался о ее соседях. Не может же она одна жить?

– Мы тут вдвоем, но подруга свалила домой на пару дней, – ответила она, снимая туфли. – Иди сюда и оттрахай меня хорошенько. – Агрессивно игриво произнесла она и, схватив меня за задницу, не вынимая языка из моего рта, повела меня в сторону кровати.

И вот сейчас, вспоминая вчерашний день, я понял, что далеко не всем девушкам нужны серьезные отношения. Многим достаточно одноразового секса, который она и не вспомнит уже через пару дней, но «здесь и сейчас» ей нужен мужчина, который удовлетворит ее, хотя даже его имени она может не вспомнить и на следующий день.

Да, я все понял.

Много ли профессий, доставляющих удовольствие? Как начал прикидывать, так целый список получился, но вот, нарисовав в голове картину, когда представитель каждой из этих профессий – тренер по сноуборду, актер, телеведущий, обкатчик трассы картинга, балетный танцор, певец – в свой выходной день просыпается от звонка начальника, который умоляющим или смертельно строгим голосом просит подчиненного приехать на работу в течение двух часов... Вряд ли кто-нибудь из них реагирует также, как и я отреагировал на звонок бармена Александра: «Здорова, Ник. Извини что разбудил, но вчера Роман нажрался, а точнее – сегодня, четыре часа назад только уехал отсюда, обещавшись сменить меня утром, но, как и ожидалось, ни хера он не приехал». – «То есть тебя надо сменить?» – «Да. Поработай сегодня, пожалуйста. Я никак не могу еще на одну смену остаться – я по воскресениям ребенка у бывшей жены забираю. А еще поспать хоть часов пять хотелось бы». – «Без проблем, Саш. Через час буду». И, в чувствах только положительных, через пятнадцать минут я уже вышел из дома.

Мне эта работа действительно нравится. Я даже не называю это работой – это веселье и тусовка. А самое забавное в этом деле это день выдачи заработной платы. Веселишься, наливаешь, да и сам тоже пьешь, получаешь чаевые, общаешься с интересными людьми, «зарабатываешь» левый кэш, проводишь время в мегапозитивной атмосфере, – и за это начальство тебе еще и платит!

Кроме того, не покидает ощущение, что я нужный обществу человек. Кому еще придут плакаться представители сильного пола? Девушки рыдают в жилетку своим подругам, а мужики не могут показать слабость перед товарищами – они лишь человеку, которого видят в первый и последний раз способны раскрыть чувства и показать свою слабую сторону. А кто как не бармен подходит на роль слушателя, который и нальет и выслушает без фраз «Хватит пороть пургу» и «Задолбал уже ныть»? Хотя, какой только чепухи не приходилось выслушивать!? И, да, почти все темы нытья относятся к неразделенной любви.

– Что мне делать? – С горя убитым видом, будто его семья разбилась в автокатастрофе, спрашивает один. – Я всегда относился к ней как к младшей сестре своего друга. А сейчас я увидел в ней сформировавшуюся привлекательную девушку, и никак не могу выкинуть ее из головы! Но она отбрасывает все мои знаки внимания, все мои ухаживания! А тут я узнал, что у нее есть парень – ему тридцать три, он старше меня на десять лет, а ее, получается, на пятнадцать! Куда мир катится?! Нахера ей этот старпер?!

Или:

– Вот что за хуйня?! Я бегал за ней полгода. Дарил цветы, возил по ресторанам, и, как только мог, показывал ей, что я классный парень, что со мной она будет счастлива. Я боготворил ее! И представляешь – я снял на выходные дом отдыха с конными прогулками, и у нас там был секс. Уж думал: «Наконец-то!». Но не тут-то было! Я после секса с ней многократно больше стал ее любить, а она все равно отшивает меня и несет, как прежде, что мы лишь друзья! «А как же секс? – спрашиваю я. – Для тебя это ничего не значит?». И знаешь, что она мне отвечает? «Ты настолько меня достал, прям прохода не давал, что я поняла, что тебе лучше дать, чем объяснять, почему нет». Прикинь! Как они, бляди, так могут?! Лучше дать, чем объяснять, почему нет! Суки!

Из дневника «НИКИ». 3 октября 2010 года.

Вчера я работал в дневную смену, но один из ночных барменов приехал лишь в одиннадцать вечера, поэтому уехал с работы я лишь ближе к полуночи, а не в восемь, как должен был. Сергей, он же Гриня, – единственный из официантов, с кем я смог сдружиться за несколько дней работы здесь – предложил «куда-нибудь двинуть». Субботний вечер, а завтра выходной к тому же, поэтому я не отказался. И еще можно потом и с другими сотрудниками через Сергея дружественные отношения построить.

Выйдя со входа для служебного персонала, мы прошли мимо входа для гостей, где с важным видом молодой человек, исполняющий функцию фейс-контроля, решал, кому суждено попасть на вечеринку псевдопафоса и псевдогламура, а кто с уничтоженной отказом самооценкой поедет в другое заведение.

«Папа, пришили мне своего водителя, а то 300 тысяч, что ты мне дал, я уже все потратил», – произнес в телефон пошатывающийся нетрезвый (и не только от алкоголя) парень лет двадцати. Эта картина никак не выходит из моей головы и сейчас. Как так можно? Спустить триста тысяч за один вечер? Не знаю, сколько зарабатывает мой папа за месяц, но уж точно такую сумму на ночные прогулки он бы не дал мне.

Этот вечер оказался очень важным для меня. Не думал, что идти куда-нибудь с желанием оттянуться, может принести пользу.

В клубе, танцпол которого составляет менее 100 кв.м., и плотность людей на 1 кв.м. уж никак не меньше чем в вагоне метро в вечерний час-пик, стоимость коктейля Лонг-Айленд по сравнению с моей работой в три раза дороже с объемом на 50% меньше, а затраты на обустройство туалетов равны затратам на интерьер моей съемной квартиры, Сергей встретил компанию знакомых, и мы присели за их столик.

Среди пяти его друзей, был некто, чье имя уже не помню, который на мои жалобы по поводу учебы в МГИМО, а точнее, что я там еще не был и как-то не горю желанием вообще учиться сейчас, – сказал очень интересную меня вещь:

– Забудь об этом теперь. У меня там есть завязки. На номер. Позвони ему в рабочее время. За шестьдесят косарей всего лишь он тебе всю сессию сделает – и можешь даже не появляться в своем МГИМО. И не думай, что это развод – Гриня очень близкий мне друг, мы с ним как братья. А его друг – мой друг.

Конечно, разговор был более исчерпывающим и продолжительным, нежели написанное выше, но суть такая – у меня в мобильном сейчас есть номер телефона человека, через которого я смогу сессию покупать, и в институт ходить и не нужно будет. И я вери хеппи этому. А папа ничего и не узнает. Надеюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.